
Александр ГАЛИЕВ

РАССКАЗЫ

ПРАВЫЙ СУД ВЕРША

Едет мужик Тимофей с ярмарки в родную деревню. И кажется ему странным, что по дороге лишь одна его телега едет — а дорога-то большая, широкая, тракт целый. Едет мужик, не один уже верстовой столб позади оставил, а никто ему не повстречался. А то как обычно бывает: версту проедешь — одна сотня карет да телег тебе навстречу мчится, а другая сотня телег да карет с тобой катится. Думает Тимофей, думает, да ничего придумать не может. Где все люди? Неуютно стало мужику, боязно даже. «Хоть бы, — думает, — почта какая проехала». Но ничего не едет. Оглядывается мужик по сторонам, на обочины смотрит, а там вся трава пожухла и пожелтела; с кустов листва опала, голые ветки торчат; деревья так вообще словно сгорели в уголь — одни черные пики в небо упираются.

Испугался мужик не на шутку, перекрестился, молитву забормотал. «Чего же это такое? — думает. — Война, что ли, бой здесь какой шел, а я не знаю?»

Погнал свою лошадь быстрее, хлещет ее, не жалеет, а сам все по сторонам смотрит: какую бы еще шутку мир не выкинул? А еще шутка такова: ни птиц, ни ветра, никаких звуков по сторонам не слышно. А небо, поглядел Тимофей, противного такого, грязно-желтого оттенка.

Погнал крестьянин во всю прыть, по сторонам уже не глядя; повозка его, полная добра, трясется, добро норовит из нее выпасть; жалеет уже мужик, что столько купил на ярмарке, боится, что все растеряет. Но страх сильнее — и мчится Тимофей вперед, о добре забыв.

Долго, наверно, он так мчался, чуть коня насмерть не загнал, но до деревни доехал. Стал тише гнать. Видит — а и деревня вся словно ее француз пожег: там, где зеленые деревца шелестели, горелые палки валяются; где крепкие узорчатые избы стояли, там две стены в дырах, да и хватит; по барской усадьбе на холме словно из артиллерии стреляли — вся разрушена. Не знает крестьянин, что и думать. Слез с повозки, гречневик с головы снял, идет тихонько по улицам. В дома заглядывает — может, кто живой остался. Смотрит, смотрит, да тел нет нигде. Пусто.

И тут-то крестьянин все понял. Да так понял, что аж гречневик об землю хлопнул и схватился за голову. «Кричал же мне тот юридивый! — говорит в сердцах крестьянин. — Кричал же мне!.. А я!.. Эх, я!»

А дело было вот в чем. Поехал ведь Тимофей в добрый день не по гостям, а на ярмарку зерно продавать. Поехал на Рождество Богородицы. Богато он зерна продал, много денег получил. И подумал, что скучно так домой возвращаться, надо бы походить, на ярмарочные балаганы поглядеть, добра поискать. Дочкам и жене — платков

Александр Рафисович Галиев родился в 1999 году. Учился на факультете политологии СПбГУ. Автор романа «Желтый Эскадроль» (изд-во «Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков», 2019). Живет в Санкт-Петербурге.

каких, сыну — сапог, себе — кафтан новый. Ходил-ходил, часа четыре исходил, сквозь галдящий народ проталкивался. Да и накупил всего: топор новый, сапог три пары, платков и платьев, подковы и сбрую, вина даже взял несколько бутылок. Ходил так, да только кафтан все себе никак не найдет. Уже плюнул, едет долой, да остановился: с ярмарки в бляхах и бубенчиках понеслись акцизные чиновники — их надобно пропускать. А пока Тимофей в стороне от дороги стоял, повстречался его томному взгляду чудной человек. Не поймешь, что на нем было, то ли зипун, то ли тюркский архалук — настолько одежда была рваной и бесформенной; но лицо его, все в саже и дорожной грязи, было русским. Сам вроде как пьян, оборван, шлык на голове неказистый, в пуху, но в руках явно дорогую синюю ткань держит, кафтан какой-то. Тимофей заинтересовался, ткань ту сразу приметил, а она еще поблескивает так завлекательно.

Окликнул мужичка Тимофей, спрашивает:

— А что, мил человек, никак кафтан продать ищешь?

— Нет, брат, — отвечает оборванный, — мне их степенство сибирку подержать дали за рублик. Деньга большая, да купчик богат. Говорит, мол, жарко мне, поддержи, мужичок, одежду мою, а я назад поеду, заберу, — незатейливо отвечает оборванный мужичок.

— А продай мне эту сибирку, — говорит Тимофей.

— Да как продам! Не мое, не могу. Как это, чужое добро продавать, я же не барышник какой! — возмущается мужичок.

— А я тебе вина поднесу, — говорит крестьянин.

— Ты коль угостить хочешь, так поднеси, а чужого продавать не стану, — упирается мужичок и, нахмурившись, мотает головой. Грязная и жидкая его борода трясется туда-сюда.

— Тогда, хочешь, я тебе три бутылки вина отдам! И сверху еще гривенник! — на крестьянина жар напал и большая охота до красивой купеческой сибирки. И не думает, что плохо делает.

— А что, вино разве хорошее? — с интересом спрашивает оборванный мужичок, но тут же осекается: — Нет, не могу! Не могу! — зажмуривает глаза и отворачивается от бутылок, которые ему крестьянин показывает.

— Двугривенный сверху!

— Да нельзя мне! Сам же понимаешь, брат, как я этого винца желаю, но какой же я дрянной буду человек, если продам чужое!

— Тогда полтину сверху дам, — крестьянин его не слышит, — хочешь? Чтоб совесть твоя успокоилась да упокоилась. Постоял ты, поглядел на мир, а тебе раз — рубль, два — полтина, три — вино сверху. Хочешь аль нет?

— Пропади ты пропадом, брат! Давай сюда вино, заведи проклятый кафтан! — решился мужик и отдал сибирку. — Ох, погубил ты меня, мужик, погубил! — оборвыш откупорил зубами бутылку. — Да и себя погубил! Всех погубил, весь мир погубил!

Крестьянин, не слушая дурака, надел богатую сибирку и заспешил прочь; оборвыш залпом выпил вина, а потом вновь закричал:

— Все погубил, весь мир погубил!

Но мужик его не слушал. Одет он теперь в богатую одежду, денег в карманах много, добра в телеге еще больше. Нежится крестьянин, по бокам новую одежду разглаживает. Едет, едет, не оглядываясь, только про богатство и красоту свою думая. Едет и вдруг замечает, что вокруг никого...

Пошел Тимофей, голову повесив, обратно к своей телеге. А той уже нет! Глядит крестьянин: одна сбруя да две доски на земле лежат. Ни добра, ни денег, ни коня. Отчаялся крестьянин, помолился крепко да домой побежал. Да чего уж там? Нет ни дома, ни семьи.

Загоревал мужик крепко, затосковал, закручинился. Что теперь делать? Ничего и никого нет. И жить зря жил, и добро зря наживал, и детей зря растил; и в сибирке новой показаться некому.

— Я во всем виноват! — твердо сказал мужик. — Купил кафтан не у владельца, почитай, что украл. Да и весь мир этим грехом погубил. Горе мне, дураку...

Побрел мужик по улице. Идет, из стороны в сторону его качает, сапоги по земле хрустят — никаких больше звуков не слышно. А то бывало, барин идет по улице, на того бранится, на другого; то гуси, словно строй солдат, гогочут и шипят на всех; то бабы через улицу переругиваются; то мужики с поля идут, песню поют; а то и воробьи по миру чирикают! Эх, сколько звуков звучало, — а тут тишина страшная.

И тут в голову крестьянину мысль пришла: в деревне, за три версты отсюда, живет мудрый человек, еще не старик, а что ни спросишь — все расскажет и подскажет. Человек тихий и покладистый, аккуратный, Ильей звать.

Решил крестьянин к нему идти. А путь через барскую усадьбу, а точнее, через развалины. Подходит к холму, а тот словно и не холм с дорожкой, чтобы тройка проехала, а так — обрыв какой-то земляной. Крутизна неимоверная, взбираться мудрено и страшно: миг вниз упадешь. Но ничего не поделаешь — и крестьянин полез вверх. И жутко ему, но не оттого, что на крутизну взбирается, а оттого, что думает, будто весь мир от его греха погиб. Винит себя мужик, бранит и вверх лезет. Пологий бок у холма, а он все руками за корни да за камни хватается, лезет и лезет. Залез наконец, измученный и грязный от земли, на вершину холма. Земля и жухлая трава вниз обваливается, с холма черные камни летят; почва под ногами что песок. Закашлялся Тимофей от такого пыльного смрада и мучительно вдаль посмотрел. Там, внизу, по ту сторону холма, должно стоять большое село — краше и больше родной деревни. Там барин усадьбу трехэтажную отстроил, конюшни и стойла гигантские, амбар каменный в аглицком стиле; даже богоугодные заведения были — в одних сироты на барский счет содержались, в других крестьяне лечились; чудо, а не село! А что теперь? Мертвая долина на многие версты: кругом пески дикие выются, камни черные перекатываются, дома порушенные вихрем заметает. Солнца на небе нет, кругом одна бледная желтизна. Вздыхает крестьянин горестно, болит у него сердце, чувствует свою вину.

Решил крестьянин спускаться. Только полез было вниз, как тут же соскользнул и Бог его знает сколько аршин вниз на спине проехал. Да вроде живой-невредимый внизу оказался, вздохнул, поблагодарил, кого надо, и дальше пошел.

Подходит к крайнему дому. Забор высок, до неба, в два Тимофеевых роста. Подошел к воротам, постучал кулачком и говорит:

— Ворота, ворота, отворись — не ленись. Мне у вас не ночку ночевать, мне лишь дорожку спросить.

Ворота, конечно, ни туда ни сюда. Стоят, не шевелятся. Рассердился на них крестьянин, ударил посильней, ворота и разошлись. Шагнул Тимофей на широкий двор — а двор пустой: ни кола, ни двора, ни сарая, ни огорода — а места сколько! — целая десятина дворовой земли. И посреди узенький ход в землянку вырыт, а поверху два ветвистых пня стоят.

Вошел в землянку мужик, стучать не стал, так дверь отворил. Зашел, глядит — в землянке темнота жуткая и холод волчий, как если бы Тимофей глубоко под землей был. Стоит стол грубо сколоченный, две скамьи; одна пошире — устлана листвою и лопухами, другая поуже — пустая. На столе кривенькая сальная свечка горит, еле стол освещает, по стенам и не разберешь, есть ли что.

А дрянью такой из землянки несет, как от десяти пудов гнилой картошки.

Только хотел Тимофей прочь уходить, как из угла донесся старушечий голос:

— Служивенькой! Здрав будь, служивенькой! — голос такой визгливый, бестолковый.

— Да я, бабушка, — отвечает Тимофей в сторону голоса, быстренько гречневик сняв, — и не служивый вовсе. Два сына у меня государю служат... да уж пропали теперь, верно...

— Да ты ничего, служивенькой, — продолжает старуха, — не бойсь за своих — за себя побойсь. А нынче лучше поди ко мне да подмогни, я тут застряла.

— Где застряла, бабушка? — спрашивает Тимофей. — Ничего же не видать.

— А ты свечечку возьми.

Подходит Тимофей к столу, берет с него свечку, а свечка дурно так воняет, словно не салом горит, а лесной падалью.

Поворчал крестьянин, нос унял да пошел в уголок, откуда старухин голос доносился. Глядит — а там старуха огромная из земляной стены торчит, полстены занимает. Лыбится старуха, зубки у нее мелкие, половина выпала; глазки тоже мелкие и впалые; а нос вовсе внутрь себя провалился, одна дырочка торчит. Повязан у старухи на круглой голове темно-бордовый повойник; тело обширное сарафан прикрывает, тоже темно-бордовый, а вот дальше поневы старуха в земле торчит, эдак почти по талию.

— Это ты как, бабушка, в стену-то задом влезла? — поинтересовался Тимофей. Не видел он никогда землянок в округе, а чтобы народ из земляных стен торчал — в такое и поверить не мог.

— А ты не рассуждай, не рассуждай, служивенькой, — глупо смеется старуха, — ты меня за руки возьми да из стены тащи.

Что поделать. Поставил Тимофей свечу на земляной пол, плечами поводил, поигрался — чай, не богатырь, — схватил старуху крепко за руки да давай из стены тянуть. Тянет-потянет да и вытянул. И так легко показалось мужичку старуху тянуть, что он смекнул: что-то тут неладно. И думает: «Чего это старуха, из стены выбравшись, на пол-то не свалилась?» Схватил, значит, свечу и светит.

Глядит — а старуха смеется, слезами от смеха заливается; а второй половины тела-то у нее и нет. Как обрубили. А там, где рана должна быть рубленая, там просто чернота сплошная.

Поплыла бабка по воздуху головой вперед; ширины она такой, что с треть землянки телом загородила. Тимофей стоит, крестится да Богу молится.

— Да ты не бойсь, служивенькой. Я тебе в твоей просьбе не обижу. Проси, чего душа желает, — говорит старуха.

— А ты чего, бабушка, — чуть не заикаясь, бормочет крестьянин, — чего от бабушки у тебя половинка одна? Ты как иной петух разве, которому голову долой — а он бегаёт еще? Ты чего это, где это у тебя ноги да и все, что снизу должно быть? Так ведь... так ведь не положено! Не положено, чтобы человек нецельный был!

Смеется старуха, смеется, остановиться не может. А Тимофей вдруг рассердился и говорит:

— Ты, бабка, со мной не шути! А то и другую половину разрубить могу!

Махнула рукой старуха, успокоилась.

— Ты меня, дуру старую, прости, служивенькой. Да говори уж, чего хочешь? Зачем ко мне пришел?

— А я, бабка, — отвечает Тимофей, уже озлобленно, — дорогу спросить зашел. Умный человек версты за три отсюда живет, Ильей зовут. Боюсь к нему дорогу не найти, вот ты мне и подскажи, как до него добраться.

— О! На то я знаю ответ, — хитро говорит старуха.

Взяла она свечу с пола и поплыла по воздуху к другой стене. А там какие-то полочки. Порылась, искала, посмотрела — достала белое блюдечко и золотое яичко.

— Вот, служивенькой, — как-то совсем хитро и мерзко, издеваясь, произнесла старуха, — вот тебе блюдечко и яичко. Скажи, мол, хочу попасть к Илье, а потом разбей блюдечко себе об голову да яичко на дорогу кинь. Яичко и покатится, куда тебе надобно.

— Да ты что, старуха, совсем из ума выжила? Не стану я голову ранить, не стану яйцу доверяться!

— Тогда ничем я тебе, служивенькой, не помогу. Поди, куда хочешь, — развела руками старуха.

Плюнул Тимофей, чуть не вырвал блюдечко и яичко у старухи и пошел прочь.

— погоди, служивенькой! — закричала ему вслед старуха. — Не видал ли ты, слушаем, мою кошечку? Она так же, как я, половиниста, да звать ее Дж... — но не расслышал ничего Тимофей, ушел.

Вышел Тимофей со двора, поглядел по сторонам, обозлился. Решил все же послушаться старухи. Сказал: «Хочу найти мудрого Илью» — и разбил блюдечко себе об лицо. Порезали осколки щеки и губы, потекла кровушка алая. А вот золотое яичко вдруг само по себе взвилось в воздух из рук, упало наземь и быстро покатилося. Тимофей, утерев лицо, побежал ему вослед.

Долго яичко катилось: проехалось по сожженным дворам, между черных стволов бывшего леса, по полянам, заваленным пеплом и гарью... Катилось себе яичко, катилось, пока не прибыло на болото. Ругался Тимофей, прыгая по кочкам за яичком, а потом раз — яичко утонуло. Глядит мужик вокруг, а кругом глубокие зеленые топи, конца-края им не видно. Смотрел назад — и не видит, где он шел.

Истинно, часа четыре провел Тимофей в муках и страхе за живот свой, пока пытался выискивать кочки и сушу, а иной раз и просто брод в болоте. Сибирка его синяя будто свинцом налилась: тяжела, как бочка с водой, но куда ее девать? Так с ней, намучившись, и вылез из болотца. Как вылез, упал да заснул мертвым сном.

А проснулся скоро. Замерз у болота лежать, но не это беда. Беда другая: услышал Тимофей волчий вой близенько. Встал с земли, поднял тяжелую палку и пошел вперед. А к нему — раз — и подбегает серый волк.

— Здравствуй, Тимофей-крестьянин, — говорит волк.

— Здравствуй, серый волк, — отвечает Тимофей.

— А у тебя конь был? — спрашивает волк.

— Не было коня, я на болото так пришел, — отвечает Тимофей.

— А... — грустно протягивает волк, будто от неудачи.

— Хотя погоди, был конь. Но я его в деревне оставил.

— А, ну так хорошо, — волк сразу обрадовался. — Это я его съел. Жалко мне тебя, мужик, жалко, что лишил тебя доброго животного. Садись мне на спину, я тебя отвезу, куда тебе надобно.

— А вот за это — спасибо тебе, серый волк. Очень меня выручишь, — залез на спину волку, а тот аж закричал и чуть до земли не прогнулся.

— А ты... — еле-еле, с надрывом говорит волк, — палку... палку-то выкинь... не нужна... не нужна она тебе... — волк сделал два шага, замер. Потом еще два шага.

— А вдруг нападет на нас кто? Отбиваться хоть будет чем, — бодро отвечает крестьянин. На него отчего-то хороший дух нашел.

— Ну хоть за спину спрячь... или... или за пояс... — кричит волк.

Так и быть, засунул крестьянин палку за шею, за ворот сибирки. Но только он палку спрятал, как волк — щелк — и укусил крестьянина за правую ногу. Но не успел мяса отодрать, тут же палкой по голове получил — видно, не очень умный волк был. Вскочил Тимофей с волчьей шкуры и давай того палкой охаживать. Заскулил волк, испугался, побежал и пропал тут же в черных стволах.

А что мужику делать? Поругал себя за доверчивость да поковылял, на палку опираясь. Долго ли шел, неизвестно, а вернулся в то же село, где ведьма ему яичко дала. Сел у дороги, прислонился спиной к порушенному плетню, отдыхает.

О ту пору ехал через село барин. Ну, как ехал. Ни самого барина, ни кучера, ни коней не было. Ехала одна бричка, во все заборы тыкалась, по всем столбам стукалась, во все ямы попадала: странно, чего это ей прямо по дороге хотелось ехать, а ни в какую-то другую сторону. Думает Тимофей: вот бричка на помощь едет, сейчас до Ильи довезет. Подъехала бричка, мужик встал, захромал к ней. А бричка и не думала останавливаться, знай себе едет и в три минуты скрылась среди порушенных домов.

Делать нечего, опечаленный крестьянин опять под плетень садится. Только сел, как ему на голову что-то тяжелое валится — и больно так! Глядит крестьянин вверх, а над головой дуб красуется. И вроде нормальный дуб, не жженный, ветки-листья есть, желуди висят; сам красив, величав; стоит посреди разрушенного мира — кругом все жухлое, желтое и гнилое, а дуб могуч и зелен. А впрочем, ну его, этот дуб, а то еще вода с него польется.

Смотрит крестьянин наземь, а на голову-то ему сундук свалился. Больно свалился, на голове шишка вскочила. Противная такая шишка, лучше б ее не было. Оглядывает Тимофей сундук: красив, богат, красен, алмазами усыпан. Потряс Тимофей сундук и испугался: в нем что-то живое сидит! Приоткрыл крышку, заглянул в щель — а там заяц. «Ну, — думает крестьянин, — с зайцем мы зараз справимся». Открыл резво крышку, схватил зайца и шею ему набок. Помер заяц; но не прост, видно, был — раскрылось у него чрево, и оттуда утка — и бежать. Но крестьяне — народ ловкий. Изловил Тимофей утку и ей тоже шею набок. Раскрылось чрево у утки, а оттуда яичко. И снова катится.

Да куда там.

— А, нет, — говорит, — мы эту шутку уже видели, научены.

И раздавил яйцо ногой, только скорлупа под сапогом захрустела.

Смотрит, а в скорлупе что-то блестит. Поднял — иголка. Стал ее рассматривать, а потом думает: дай-ка тоже поломаю. Гнул, крутил, вертел, никак иглу не одолеть.

Тут подходит к Тимофею старичок.

Лицо у старичка некрасивое: скуластое, тощее, длинное, словно две недели не ел. Сам он тоже тощий да длинный; кожа пепельная да епанча на голое тело.

— На что тебе эта игла? — говорит. — Обменяй мне ее, да вот хоть на печатный пряник.

Глядит мужик, а на прянике, что старичок протягивает, прямо Кремль Московский во всей красе. Красив пряник, даже живот у Тимофея заурчал.

— Беру, — говорит Тимофей. — Меняемся.

Обменялись.

— Ну, бывай, крестьянин.

— Ну, бывай, старик.

Только хотел Тимофей от печатного пряника откусить, как подумал: «А не обман ли вновь? Вдруг пряник-то нехороший?»

Встал, обошел плетень, приковылял вновь к черному лесу.

— Эй, серый волк! — кричит. — Поди-ка сюда.

— Чего тебе? — раздается из-за обугленного ствола. — Дерешься ты, не хочу к тебе.

— Не буду драться, иди сюда, — грозно повторил Тимофей.

Вышел волк из-за деревца мертвого, боком подошел, осторожно, в трех саженях остановился: палку крестьянин не выбросил.

— Чего, — говорит волк, — тебе надо?

— А вот пряничка попробуй, чай, голодный, — отломил кусок и бросил волку.

Серый схватил кусок на лету, зубами щелк — и проглотил.

— Спасибо, вкусный пряник.

И свалился мертвый.

— Ну вот, — грустно протянул крестьянин и бросил пряник под черный ствол.

Решил наудачу до дома Ильи добираться — захромал по сельской дороге. Недолго хромал, село быстро кончилось. А как село кончилось, так совсем темно стало, — не от ночи, а от пепла. Отовсюду гарью тянет, словно целый город в огне. Черным-черно от пепла летающего; черным-черна земля от сажи; дышать трудно; кругом дым столбами валит — и не поймешь откуда. Но крестьянин все идет. Идет и видит — течет целая река, и вся в огне горит. А какая широкая! Ни одного моста не видать, а вброд как пойдешь? Сгоришь заживо.

Тут прыгает к Тимофею лягушка. Ква да ква, ква да ква.

— Чего тебе, лягушка, надобно? — спрашивает Тимофей.

— Помочь тебе хочу, крестьянин, — говорит лягушка. — Коль тебе на ту сторону перебраться — так я на то тебя здесь и жду.

— Обманешь меня, лягушка. Не верится мне.

— Не обману! Я как надуюсь-надуюсь, шаром стану, ты на меня полезай, так реку и перелетим.

— А чего ты хочешь за помощь?

— Как чего? Ты будто не знаешь, что с лягушками делают.

— Едят разве? — говорит крестьянин, а сам смеется.

— Не, куда там. Это в других царствах-государствах жестокие люди живут, а в нашем лягушек любят, холят их, лелеют. И целуют.

— Эх, пропади ты пропадом, лягушка! — вскидывает Тимофей руки. — Куда без тебя денешься? Давай поцелую.

Взял Тимофей лягушку в руки и поцеловал.

А она на радостях как стала дуться! Дулась, дулась и стала шаром огромным; не у всех изб крыша с такой шар! Залез на лягушку Тимофей, и они полетели.

Летят-летят, а река широка, никак не кончится. Жарко Тимофею. Думает он сибирку снять, да жалко ему. Бойтся выронить. Тут и лягушка причитать начала:

— Жарко, не могу больше!

Как сказала, так и лопнула.

А крестьянин в огненную реку свалился. И стал гореть. Кричит крестьянин, больно ему, словно тысячи волков разом кусают — да по всему телу кусают, не жалеют. Еле плывет, еле гребет в огненной воде. А сибирка его на дно тянет, будто в нее пудовые камни вшиты. Гребет крестьянин, гребет. Больно ему, страшно ему: вдруг не выплывет. Волосы уже горят, с сапог кожа оплавилась, сибирка из синей черной стала, лицо все покраснелось, сейчас трескаться и обугливаться начнет — но нет! Выбрался крестьянин, лег на берег и духа лишился.

Насилу через много часов очнулся. А тело-то все болит, ожоги как ноют! А еще нога покусанная донимает пуще прежнего. Подумал: не прыгнуть ли обратно в реку? Чего боль терпеть?

— Нет! — крикнул, поняв свои мысли, и стал подниматься на ноги. — Сам виноват, что мир погубил. Мне и ответ держать. Куда простоволоситься и смерти искать, надобно себе суда искать праведного. Из-за меня все пропали, из-за меня мир сгнил, из-за меня река огненная течет. Не брошу дела, не сдамся: за вину свою найду себе суда, пусть Илья все рассудит.

Подбодрил так себя Тимофей и дальше идет.

«Нечего на ожоги и раны оглядываться, — думает Тимофей, — на душу свою грешную, виновную оглядываться стану».

Вот прошел он дорогу, прошел другую, еще лес прошел. Вышел на поляну. На поляне шатер.

«Дай, — думает, — загляну. Может, испить воды дадут».

Подходит к шатру, а оттуда к нему красна девица выбегает. Красивая такая! Пусть ни звезды во лбу не горит, ни месяца под косой, а красота страшная! Влюбился сразу Тимофей, себя от волнения не знает. Берет его девица под руки, словно не видит, что он хромым, горелый и страшный; берет и ведет в шатер. Укладывает на шелковые простыни, воды и вина ему подносит, яблок, винограда и меда; по голове его поглаживает, милые слова шепчет. Разомлел Тимофей, отдыхать стал; а сибирка совсем тут легонькой сделалась, словно и нет ее на теле. Прошел час-другой, и говорит ему девица ласковым голоском:

— Меня, чую, украсть от тебя желают! Много охотников до девичьей ласки.

— Кто бы это мог хотеть? — спрашивает крестьянин, обеспокоившись. Не хочет ласку потерять, уже и об Илье забыл.

— Страшные воины уже бегут сюда. Защити же меня! — вскрикивает девица и подает крестьянину саблю. А мужик саблю в жизни никогда не держал, в армии государственой не служил, не знает, как ею орудовать и рубать.

Говорит об этом девице, а та — в крик и слезы, мол, защити, любимый мой, век буду с тобою. Делать нечего, выходит он из шатра с саблей и видит — неподалеку целая тьма сражается, тысяч не счесть сколько. Хотел было назад в шатер, а там девица такими слезливыми да прекрасными глазами глядит, что растаял страх у Тимофея, набрался он храбрости и глупости и побежал сражаться.

Врезается в толпу, туда бьет, сюда сечет, обратно рубит; тут ему гардой нос и сломали. А один вояка подбежал и как рубанет Тимофея по груди, мужик наземь и упал. Но встал быстро, словно боли не чувствуя, побежал дальше воевать. Сечет и рубит, и его тоже — секут и рубят. Злые все кругом, яростные, гневливые; кричат, бранятся — смерти и погибели друг другу желают. Звенит металл, звенят металлом крики раненых. Ненависть и смерть льются среди тысяч и тысяч воинов. Дерется озлобленный Тимофей, головы рубит; руки отсекает; по глазам колет. Да и ему тоже достается: весь в крови, весь в ранах; чуть не кишки у него вываливаются. А он все злее и яростнее: наскакивает, рубит размашисто, во все стороны сабелька гуляет: страшный он воин оказался!

Да только вот ударил его некто по руке, чуть руку не отсек, и сибирка с одного плеча и спала. Очнулся, будто от сна, Тимофей. Оглядывается и не понимает. Кто дерется? Зачем дерется? С кем дерется? Глянул вниз, а там мертвых тел груда, и все новые падают, уже живые ступают по телам. Смотрит вокруг: все люди в разной форме, с разным оружием. Кто кого бьет? Все друг друга бьют. Все всех ненавидят.

Понял это крестьянин, и тяжело ему стало. Сторонкой, сторонкой, раз — и убежал от яростных людей. Чего на душу человечью злиться зазря? Бросил саблю и пошел прочь. Идет, усталый и раненый, кругом все деревья черные да небо желтое — ничего больше. И подбегает вновь та девица, радостная, веселая.

— Спасибо тебе, — говорит она, — всех ты злодеев погубил.

А Тимофей на нее и не смотрит, что-то опостылела крестьянину она. Но она-то его берет под черные кровавые рученьки и ведет куда-то. Тимофей уж и про вину свою забыл, и про раны не думает, устал, чуть ли не отчаялся. Идет, бредет, куда — не знает, по сторонам не смотрит. Забылся.

Да только вышли на полянку, костями забросанную, а на той полянке веселый хоровод кружится, люди песенки распевают. Засмеялась девица, Тимофея к хороводу повела, и стали все вместе плясать, за руки взявшись. Один круг ведут — разгорячился

Тимофей, другой круг — повеселел Тимофей, третий круг — совсем Тимофей очнулся, уж сам не замечает, что песню вместе со всеми поет. А чем дальше круг ведут, тем больше серо-желтый мир красками насыщается. Ярким все становится, горящим, соками напитанным. Вот уж и деревья блестят, и небо загорелось, и зубки у хоровода сверкают. Даже солнце вновь появилось: яркое, красное, огромное, во все небо. Только вот мнится Тимофею, что это не солнышко ясное на небо поднимается, а хороводец славный вниз опускается.

Подумал так Тимофей, а потом и о другом задумался: а что это он поет?

Пляшем, пляшем, пляшем,
Змеи, черти, ведьмы,
Спляшем, души вспашем,
Пляски — лихолетье.
Лучше пляшем — аду честь окажем.

Оглянулся Тимофей на люд — все смеются; сверкают глазами недобрыми, выбрасывают ноги копытные, коготками в воздухе размахивают. Окрест хоровода земля трясется, а солнце красное уж высоко-высоко в небе и маленькое такое стало, скоро вовсе пропадет. «Да и я с ним пропаду», — подумал Тимофей да как рванул прочь от этого хоровода! В жизни своей никогда так не бегал, а ведь раненый и усталый. Черти смеются и еще сильнее пальцами Тимофею в спину показывают...

Долго он бежал. Не видел ничего, чернота страшная вокруг; пахнет горелым, как если бы хозяйка пироги мясные в печи сожгла. Да и чернота дивная такая: словно липкая, словно мокрая; исцарапал себе Тимофей все лицо о ветки, изорвал в лохотки и портки свои, и сибирку купленную; подвернул обе ноженьки о камни дорожные. А как подвернул — так и упал. Да куда там, думал упасть на землю, а земля вместе с ним провалилась, и полетел Тимофей в пропасть.

Очухался не скоро. Отряхнулся, как мог, встал и стал высматривать, где оказался. Вокруг него земляной туннель, широкий и длинный — конца-края не видать. Тускленько так свет горит, не поймешь откуда. Обернулся — далеко сзади огонь горит. Поглядел вперед — там ничего, туннель в темноту упирается. И тоскливо так в этом туннеле, и тяжело так, что хоть ложись да не вставай больше. Так было и сделал Тимофей, но только глянул на синюю сибирку, саблями изрезанную, огнем пожженную, землей и ветками изгаженную, — так сразу вздохнул и побрел по туннелю. Туда, где темнота.

Идет, печалится, места душа его найти не может. Давят на него стены земляные, дают свет тускленький. Тело израненное уж не ноет, привычно стало: ко всему человек привыкает. Идет он и все вздыхает. И не столько о вине своей за мир, сколько... А сам не знает, что ему вздыхается. И тут слышит другой вздох — кто-то вверх, под земляным потолком тоже вздыхает горестно. Испугаться думал крестьянин, да наплевать ему на все стало. Идет дальше, а под потолком все горестнее и громче стонут. Вот уже вздох трубным гулом по туннелю разносится, а наверху что-то ходит громко, словно лапами сажеными переступает. А потом давай по потолку стучать и пробило потолок-то земляной. Чуть по Тимофею этот тоскливый зверь не попал, да крестьянин увернулся вовремя и стремглав вперед понесся. Темно в туннеле, не разглядеть, кто по потолку бьет, чья там рука аль лапа высунулась. Но видно, заметили, что Тимофей побежал, и за ним поверху устремились. Тоскливый стон рыком сделался, еще раз по потолку ударили да вновь не попали. Бежит крестьянин, но не устает, а силой наливается. Вспоминает предназначение путешествия своего: «Убегу от зверя, найду себе суда!»

— Не дамся тебе, зверь, не дамся! — кричит крестьянин. Кричит и бежит.

А сверху за ним бегут, рычат да бьют по потолку.

И долго так бегут. Вот Тимофей стал замечать, что сверху отстают и не колют больше. Пробежал еще какое-то времечко, и вдруг позади такой яростный крик раздался, что потолок рухнул. Рухнул-то позади, а крестьянин вперед бежит, усмехается да посмеивается. А тут — раз — да и выбежал из туннеля. Вокруг старые черные стволы, здания порушенные и небо тускло-желтое. Но только Тимофей из-под земли вышел, как мигом стволы черные стали силой и цветом наливаясь, стали на них листья и цветы вырастать; а с неба вся гниль желтая осыпалась, и стало оно вновь ярким, голубым и славным.

Видит: неподалеку домик стоит. Тимофей к домику; бредет тихо, безмолвно, спокойно; а вокруг ветер песни напевает, птицы ему вторят, а то и смех людской иной раз раздастся. Повеселел Тимофей, да заранее радоваться не принято. Подходит к домику — как есть изба Ильи стоит. Выходит из избы сперва не Илья, а странник некий: высокий, тощий, сутулый, плечи что рога, выше головы торчат. За ним пара мух вылетела. Идет он и улыбается, сам в богатых одеждах, в дорожной черной шелк облачен.

Поравнялся странник с Тимофеем, а мужик и говорит:

— Как здоровье твое, милый человек?

— Хорошо мое здоровье, — усмехнулся странник, — поди, Илья тебя уже дожидается.

Пошел странник прочь, а Тимофей — в избу. Подошел к крыльцу, а из избы уж сам Илья выходит. Весь в волосах, кожаным ремнем по чреслам подпоясан. Белая рубаша и белая борода на ветре колышутся.

— Вот и свиделись, Тимофей, — говорит Илья. — Сказано ведь: будьте готовы, ибо не знаете, когда настанет час. Пойди ешь и пей, ибо слышен шум дождя.

Действительно, небо сделалось мрачно от туч и ветра, и пошел большой дождь.

Вошел Тимофей в дом, на иконы перекрестился, сел за стол. Илья налил ему кваса и дал хлеба. Тимофей стал есть. Как все съел, говорит:

— Ищу я себе наказания, мудрый Илья. Погубил я весь мир, купив у оборванца чужую вещь. Две души погубил да весь мир в придачу — совестью мучаюсь, рассуди, какое мне наказание понести.

— Это ты врешь, Тимофей. Ты, верно, думаешь, что ты преступник. Так или не так? — спрашивает Илья и сам продолжает: — Верно, так. А какой преступник на суде про себя правду скажет? Ты, мол, мир погубил, экая правда! Да никто тебе не поверит. — Посмеялся глухо Илья, глаза опустил и сел за стол напротив Тимофея. А потом добавил, серьезно: — Ты сам себя, Тимофей, осудил. Теперь другим тебя судить незачем; ступай отдохни, нет на тебе греха.

Встал Тимофей задумчиво, на себя глядит, а сам целый: и телом целый, и одежда цела. В окошко Ильиной избы дождь видно: бьет он волной, насыщает землю, остужает; из-за туч солнце бьется.

— А с кафтаном этим, с сибиркой проклятой, что делать? — спрашивает.

— Оставь. Тот купчик и не злился совсем: посмеялся, рукой махнул и простил вам обоим в тот же час, — отвечает Илья.

Лег Тимофей на лавку, руки под голову подложил да вновь в окошко глядит. А там: и мир весь зеленый, травой-листьями поросший; и небо голубенькое с солнышком из-за тучек выплывает; и люди радостные-веселые улыбаются, гуляют. Вдалеке прудик светлый, на его берегах люди лежат, плоды-фрукты прямо с веток срывают и едят. Лежал так Тимофей, лежал, и вставать ему не хотелось — куда из Рая вставать.

СТАРОСВЕТСКИЙ ТИРАН

Глава 1

Холодным летним утром на улицы столицы выходит прогуляться король Незвестной Страны. Наречен король прелестно — Вельзевул, а по отцу он, стало быть, Андреевич. С ним идут два стража — друзья его и приятели; но особой нужды в стражниках нет, те защищают короля лишь от скуки. Идет Вельзевул Андреевич по улицам славной своей столицы, глядит по сторонам, на народ; а столица маленькая, крохотная, в ней пятьдесят тысяч человек не уживутся, попросту не влезут. Зовется столица просто — Старый Свет.

И вот идет по столице наш славный Вельзевул. Глядит вокруг, выходит на мост, кругом торговцы продают добро, и тут, и там товары. Подходит король со стражей к очереди, а очередь врассыпную. Лишь молодой воин, что туг на ухо (рана тяжелая!), не слышит короля и продолжает спор с торговцем. Торговец боится молодого офицера, а короля и вовсе не видит. Но дерзок у торговца нрав, уперт и упрям, ни в какую (хоть и боится!) не уступит.

— Прошу тебя, славный офицер, сжался, помилуй! Детей кормить надо, моя жена так стара, прошу, купи палаш по моей цене! — канючит торговец и дрожит.

— Ох, не могу, а моя жена молода, ей нужны серьги, и бусы, и много другого разного добра! На что я ей подарков куплю, если все потрачу на палаш? — отвечает офицер, повернув ухо к торговцу, — иначе не слышит.

— Тебе жалованье все окупит! Ты ведь богач почти, уж знаю, сколько платят вам! Не стоит карман мой тощий разорять.

— Скупец! — офицер вскипел.

— О нет, не скуп я — бережлив!

— Да что ты за наглец! Тебе кузнец продал клинок за бесценно, а ты его — втридорога! А если я сейчас же к кузнецу пойду, чтоб напрямик купить?

— О сжался, офицер!

— И не подумал бы, если бы времени у меня было больше. Не хочу спорить, на возьми, — и он протянул деньги, — давай палаш! Тебя запомню, бесчестный торговец, и вернусь — больно кромка хороша у твоего оружия.

— Благодаритель! Велик ты, благодетель! Спас детей моих и жену!

Торговец с офицером прощались, когда заметили Вельзевула, который смотрел на них, ухмыляясь.

— О славный мой король! Я задержал тебя — прости меня, дурака глухого. Нельзя мне стоять на твоём пути, о сжался, не казни меня!

— За что казнить тебя? В очереди ты первый стоял, чудак, — отвечает король, — а я лишь металл смотрю и не думаю ничего покупать.

— Слава королю, слава милосердному! — вскричала толпа покупателей.

— Пойдем, стража, я посмотрелся, — король и двое стражников удалились.

Путник двинулся дальше по широкой улице.

— А отчего, друзья, так улица широка, как ус китовый, а я так тощ и узок, словно тараканий ус? Улица таких, как я, тысячу бы вместила? Отвечайте, — обратился король к страже.

— Не можем знать, о наш король! Ведь ты сам приказал построить улицу с таким размахом. А теперь жалуешься.

— Ах, сам! Да позабыл я, стар уже — сорок четыре годка. Вот и плечи у меня, как рога лося, сутулы, кривы.оборотиться не могу назад в своей памяти — не вижу из-за них.

— Не стоит, король, бранить себя. Велик ты, хоть и сутулый!

— Да знаю сам. А теперь скорее в книжную лавку! Скучно мне чего-то, быть может, книгой развлекусь.

Путники прошли широкий мост с торговыми палатками, а потом небольшой сад с беседками. Перед садом стоят дома в два этажа. Король без труда узнал знакомый домик, где с детства покупал книги.

— Здравствуй, торговец, я к тебе снова пожаловал! — приветствовал хозяина король, входя в лавку.

— Король тот славен больше всех, что больше к знаниям стремится, — отвечал торговец. — Но я хочу предостеречь тебя, король: знания пусты без понимания. Ты проживи сперва жизнь богато, я разумею под богатством опыт, ума наберись в бою и в деле, а потом читай книги, чтобы не гнил твой разум от их безумья.

— Да, знаю я. Ведь сам приказал тебе все это говорить. Ну, покажи, что нового на твоих полках.

— Нового великое столпотворение. Все то, что старое и забытое, суть новое, лишь вспоминать не стоит. Вот, к примеру, хорошая книга — плавание Синдбада-морехода. Рассказ о глупом купчике, который, пережив катастрофу и обретя много счастья, продал все вдруг и уплыл куда-то. Плыл и знал, что вновь может погибнуть. А в конце каждого плавания — словно по волшебству, с трудом верится — опять купец становился богат и счастлив. Но полон был купец страсти. Не сиделось ему на месте: и пришлось, не утонув едва, на далеком острове жить в одиночестве; потом были другие острова, огромные птицы, змеи и горы; много чего еще — даже заживо был похоронен в чужой земле, но сумел выбраться. Укорял себя купец, говорил, что каждый новый случай хуже бывшего с ним раньше. Но ничего! Он, словно пропойца, жалел о выпитой бутылке, но сразу тянулся к новой.

— Красноречивый книжник ты, беру! Давай сюда Синдбада, бери деньги. Хотя и кажется мне, что я читал Синдбада девять раз, но не хочу пропустить десятый. Нет, не надо больше, — король замахал руками на книжника, предлагавшего другие книги, — мне хватит одной. Я снова приду, тогда книги мне готовы. Люблю тебя я, книжник. Хотя не знаю даже имени твоего, но люблю. Вернусь я через пару дней, жди.

Король со стражами устроился в беседке и начал читать из середины:

«Услышав слова царя, я застыдился и промолчал и не дал ответа от великого смущения; и царь спросил меня: „Почему ты мне не отвечаешь, о дитя мое?“ — „О господин, — отвечал я, — приказание принадлежит тебе, о царь времени!“

И царь в ту же минуту послал привести судью и свидетелей и тотчас женил меня на женщине, благородной саном и высокой родом, с большими деньгами и богатствами, великой по происхождению, редкостно красивой и прекрасной, владелице поместий и угодий. А потом дал мне большой прекрасный дом, и подарил мне слуг и челядь, и установил мне жалованье и выдачи; и стал я жить в великом покое, веселье и радости и забыл о всех тяготах, затруднениях и бедах, которые мне достались. „Когда я поеду в свою страну, то возьму жену с собой, — подумал я. — Все, что суждено человеку, непременно случится, и никто не знает, что с ним произойдет“».

— Это точно, славный царь небом обречен на царствие; но в том человеке, который смог такие почести заслужить, являясь даже чужестранцем, славы еще больше! Велик и странен белый свет! — произнес король.

— О мой славный король! — вскричал, вбежав, знатный вельможа. — Беда, беда, кругом беда!

— Да что случилось, дуралей? Отвечай скорее, — король, нахмурившись, оторвался от книги.

— Помнишь ли наших злобных соседей? — спросил вельможа.

— Помню, нельзя забыть. Во сне не забыть о четырех проклятых стервятниках, что кружат надо мной, будто я мертв.

— Так слушай, мой король: взбалмошный и упрямый правитель Большой Известной Страны прислал нам ультиматум! Нечестный злодей! Жестокий лицемер! — надрылся вельможа.

— Как ультиматум? Мне? Чем же я — еще не труп — так приглянулся желудку коршуна? Давай сюда проклятый ультиматум!

— Не гневайся на жалкого посланца — не желал я тебе вреда, лишь послание принес, — знатный вельможа затих, но король не слушал его, а читал ультиматум. Лицо его зеленело, синело, белело и наконец покраснело.

— Отчего, король, лицо твое позеленело? — спрашивает стражник.

— А оттого, мой стражник, что грозятся запретить наш культ!

— Отчего, король, лицо твое страшно посинело? — спрашивает другой стражник.

— А оттого, мой стражник, что грозятся разорить мой дом!

— Но отчего, в конце концов, лицо твое стало бледнее снега? — спросил вельможа.

— А оттого, дуреха, что грозятся заменить все мои законы! А красен я, как бант того злодея, что он меня и вас, вельмож, и вас, стражи, приглашает отправляться в далекие места...

— О нечестивец! — кричат стражники.

— О подлец! — кричит вельможа.

— Скажите мне вы, трое, не милосердны ли мои законы? — спрашивает король.

— Милосердны, о король!

— Разве не сильны мои войска?

— Сильны, о славный!

— Разве не доволен мой народ?

— Доволен, славный Вельзевул!

— Не умен он разве? И не сыт ли? Не богат? Где мой народ, пусть отвечает.

— Приведите народ скорее! — кричат стражники.

В беседку входит народ:

— Я народ.

— Ты народ? — спрашивает король.

— Я народ, — повторяет народ.

— Отвечай же, ты богат? — спрашивает король.

— Я богат, — отвечает народ.

— Сыт ли?

— Я сыт.

— Умен ли?

— Куда ума мне больше.

— Так зачем соседним славным странам так низко порицать меня? За что я получил упреки? Чем я заслужил? — спрашивает король и кручинится.

— А тем, что много ль, мало ль лет назад убил ты своего брата, лишь ради власти и короны. Твой брат был красив, и юн, и добр; кроткий нрав имел и имя дивное — Аббадон, как видишь, даже именем твой брат превосходил тебя. Потому ты, не убоявшись братской крови, со стражей сговорился и зарезал его во сне. Но видно, что по нраву ты славному богу солнца Яриле, раз он вручил тебе венец после столь низкого убийства! — так говорил народ.

— Молчи, народ, я слышать не желаю! — вскричал король.

— Я молчу, — отвечал народ.

— Молчи теперь, однако я услышал, что ты о Яриле молвил. Народ! Ты правильно сказал, Ярило всюду нам помощь, его огонь горит для нас. И для меня. Скажи, народ: кто дал мне власть такую? И от кого корона мне досталась?

— От славного твоего отца, короля Андрея!

— А от кого тот корону получил?
 — От славного твоего деда, короля Семена!
 — Да нет же, — запротестовал король, — а от кого весь род наш власть имеет?
 — От славного бога Ярилы! — восторженно закричал народ.
 — Вот правду говорят: глас народа — божий глас: об одном вещают, — обрадовался король. — Славный бог-огонь Ярило спустился с солнца жаркого, как только прознал о моем счастье быть королем. Пока спускался жаркий бог; пламя, пар и дым спускались с ним. Пошпарило и пожгло многих, но вот Ярило приблизился ко мне. В руках его золотой венец: горящий, раскаленный, красный.

— Известно то, — вторил народ.
 — Молчи, народ! — крикнул король.
 — Молчу, король.
 — Так вот, народ. О чем я? Ах, Ярило! Огонь-Ярило — славный бог, великий и усердный, но больно уж горяч он, аж до боли. Надел он мне венец прекрасный на нагую голову, а голова — гореть. Пламя насилу потушили, венец почти к черепу прирос, но его попозже оторвали. О шрамы, о ожоги, о рубцы — как много вас на моей голове; воистину велика цена королевской славы. К чему веду я: сам бог Ярило оказывал мне честь. Что мне до чужестранных правителей, которые и чиха от богов не удостаивались? Что за страна у них! Сегодня ты, а завтра он, через месяц-другой ими правят. Стоят, нахохлившись, петухи: гордые, чванливые, агрессивные. И армия у них десятки, сотни тысяч! Вот грозы мира нашего, вот адские тираны! Республикой зовутся гордо, а войны продолжают твердо!

— Как прав ты, о король, — вторил народ.
 — Иди, народ, я благодарен тебе.
 — И тебе не хворать, не тужить, песни петь, в достатке жить.
 Народ ушел из беседки.

— А мы же, стражники, вельможа, поспешим во дворец. Пора начинать военный совет, пора узнать, что думают мудрые вельможи. Совет, совет, скорей совет! Недаром мудрый Аквинат (хоть был он не наш, а католик) уверял всех: строй монархии тем лучше, чем больше король спрашивает совета у мудрецов.

Бегут все ко дворцу, король бежит быстро, хотя хромает на обе ноги. Стражники пытаются помочь ему, но и сами довольно стары и бегут плохо. Один толстенький вельможа, хоть и сильно запыхался, выбежал впереди всех.

— Совет, совет скорей держать, как отвечать на ультиматум! — кричит один стражник налево.

— Совет, совет скорей держать, как отвечать на ультиматум! — кричит другой стражник направо.

— Совет, совет скорей... кх... кх... — вельможа пытается кричать, но сбивается от одышки и кашляет.

Вчетвером вбежали во дворец. Уже через час в тронном зале собрался совет: в нем пять вельмож (низкие ростом и толстенькие), три генерала (высокие ростом, широкие в плечах), а также королевский сын и наследник Богдан, королевский зять по имени Жозеф (король зовет его Жориком) и две барышни неизвестного роду-племени; все считают, что это любовницы Вельзевула.

Входит король и садится на трон. Совет кричит: «Слава королю Вельзевулу Андреевичу, слава Неизвестной Стране!» Король кивает, все садятся.

— Писарь! Есть здесь писарь? — хмурится король.
 Все молчат.
 — Или секретарь! Слуга! Хоть кто-то! — король не унимается.
 — Чего мой славный тесть желает? — робко спрашивает зять.

— Куда ты, Жорик, лезешь? Ты писарь или слуга? Не лезь.
— Я лишь спросил, о славный.
— Что ж, раз ты спросил, могу ответить: я искал слугу, что зачитает нам ультиматум.
— Я могу прочесть, — так же робко говорит зять.
— Как, ты умеешь? — удивляется король.
— Конечно, читать — не велика наука. Но читать лишь истину — вот трудность, меры коей нет.

«Как мудр он, — думает монарх, — как хорошо, что он советник мой, и друг, и зять».

— Тогда читай, тебя хвалю, — сказал король и протянул зятю ультиматум.

Зять прокашлялся, встал рядом с троном и принялся читать:

— «Уважаемый Вельзевул Андреевич, тиран и деспот Неизвестной Страны, обращаюсь лично к Вам, а также ко всем Вашим знатым вельможам и старшим офицерам. Переходя на неформальный язык, хочу испугать Вас, хочу, чтобы Вы, тиран и деспот, бежали и прятались, поскольку я решил покарать Вас за преступления. Я — Президент Большой Известной Страны — готов побороть Ваши войска, состоящие из одних рабов; готов разорвать скрижали с Вашими законами, которые писаны кровью и закабаляют невежественных крестьян, которых Вы от земли не открепили, тиран и деспот; готов сбросить все статуи бога Ярилы, который не светит никому, не обжигает и не греет, а только тратит народные деньги на глупый и опасный культ; готов я уничтожить и весь Ваш монарший дом, чтобы памяти о Вас, тиран и деспот, не осталось, все предки Ваши забылись, а потомки Ваши в земле лежали. Я желаю освободить Вашу старую и невежественную страну от бремени и тягот, которые Вы на нее навлекаете одним своим существованием. Я и мой Парламент желаем дать Неизвестной Стране великую свободу: всенародные выборы и сменяемость власти; землю в частную собственность и свободу конкуренции; свободу вероисповедания и совести. Опять же не могу формальным языком высказываться, когда мне приходят мысли о Вашей мерзкой армии, где у солдат нет ни единого права, а офицеры злы и глупы, как дворовые собаки...»

— Стой, стой! — закричал король.

— Что, мой славный тесть? — спросил зять, остановившись.

— Жорик, подумай-ка, что за ересь он написал? Как можно? Какое низкое и пошлое сравнение! Дрянь и гадость, безвкусица, нелепость! Уважающий себя правитель такого допустить не может, его слова не мусор залежалый, он должен изрекаться помудреней, поострее. А тут — всего-то псина. О, как скучно! Ах!.. — Король закрыл глаза ладонью и тихо плакал несколько минут. Покончив со слезами, он утер глаза платком и велел: — Продолжай, Жорик.

— «Необходимо выпустить всех преступников из Ваших тюрем, — продолжал Жорик, пропустив все места с оскорблениями, — ведь сидят в них одни невинные. Их места займут все Ваши офицеры и вельможи, которые так ненавистны народу Неизвестной Страны.

Жалеть можно лишь об одном: народ Ваш и без того загнулся, а тут еще война. Освободите Ваш народ от потрясений, а я освобожу Ваш род от смерти. Сдайтесь, сделайте все сами: армию — долой, Ярилу — долой, законы — долой. Сделайте так, на то неделя — иначе война». Я прочитал, мой славный тесть.

— О горе нам, о горе! Война, откуда ж деньги мне брать на войну? — затосковал король.

— Послушайте, разве нельзя нам сдать? Ведь тюрьмы лучше виселиц, — заметил вдруг пятый вельможа.

— Да что за тварь ты! Сейчас тебя в тюрьму, раз там тебе лучше, — вскричал король и махнул стражникам. Те увели пятого вельможу из зала, как он ни брыкался толстыми ножками.

— Расскажите мне подробнее о Большой Известной Стране, — велел король. — Кто о ней знает?

— Все очень просто, мой король, — начал второй вельможа. — Мы знаем, что это большая страна и там много разных военных технологий. Правят Большой Страной по полгода люди, которые избираются народом. Армия — страсть просто, поставь всех в ряд — всю землю опоясают, да дважды. Больше ничего я не знаю и считаю, что знать не нужно. — Второй вельможа сел, довольный своими познаниями и выступлением.

— Вот горе на наш дом! Вот страсти! Что нам делать, генералы? Я жду ответа, — пригорюнился король.

— Истинно, о славный, горе, — начал первый генерал. — Натиск нам не сдержать, если Известная Страна сейчас нападет. Сил наших мало на границе, но мы лишь отойдем немного вглубь — лишь сотню верст, а там уж встанем крепко и дадим отпор. Станем держаться, сколько нужно, хоть месяц или два, на третий все деньги кончатся, а на четвертый будем голодать — войско в сорок тысяч кормить мы дольше не сможем.

— Но у Большой Известной Страны, как я слышал, солдат не менее полумиллиона! Пропали мы! О бедный мой народ, за что ему все беды! — горюет король.

— За брата твоего, — отвечает народ.

— Молчи, народ! — цыкнул на него король.

— А я молчу.

— Нет, не молчи, ответь мне. Поддержишь ли меня еще два месяца? Расправишься ли с подлым вероломством моего соседа, что и в бок, и в спину метит свой кинжал? Отвечай, народ, останешься ли верным?

— Останусь, Вельзевул, куда мне без тебя. Умрем — так вместе, — отвечает народ.

— Вот, мой народ! Теперь я вижу, не одинок я в целом мире. Народ со мной, Ярило слепит жаром, мои войска стоят три месяца. Мы победим! Ну а пока пора послов послать в чужие страны. Что нам делать, нужна подмога. Согласны, мой совет?

— Согласны! — кричат вельможи, генералы, зять и две девицы. Наследник зачитался купленным отцом рассказом о Синдбаде и не слышит.

— Вот чудо, верно Аквинат сказал: монарх тот лучше, что совет с людьми держать умеет. Сократ! Иван! Козьма! — зовет король. — Явитесь поскорее.

Сократ, Иван и Козьма являются. Это мужички лет тридцати, при бородах. Бороды: рыжая, черная и русая.

— Мои верные послы! Я ждал вас, — радуется король.

— Как, разве мы послы? Не может быть, о наш король, мы не послы, ты вдруг ошибся! — кричат втроем в один голос.

— Я лишь сегодня с поля, от сохи ушел, — говорит Сократ.

— А я был мельником с утра, — говорит Иван.

— Про меня и речи нет, как был я, так и есть — я лекарь, — говорит Козьма.

— Что мне до ваших будничных дел! Мы славная страна — Неизвестная Страна! Мне не нужны глупцы, что просидели за партой, и могут изрекаться по-мудрому лукаво, да знают изречения ученых лиц. Идите вы в чужие страны, говорите, как привыкли, просто и понятно, чтоб соседушки мои, други мои старые, услышали все так, будто я лично им сказал. Идите! — приказал король.

Сократ, Иван и Козьма вышли, кланяясь: «Слава тебе, о король, о Вельзевул Андреевич!»

— Как я поступил, народ? — спрашивает король.

— Правильно, о король, правильно, — отвечал народ.

— И что, народ, за глупость написал мне Президент? Разве есть у нас тюрьма с невинными? Клянусь я богом, клянусь Ярилою, и в их стране за кражу кара, и в их стране казнят за буйство, бунты и убийства. Я прав, народ?

- Ты прав, король.
- И дальше: я разве кого казнил? Клянусь я богом, клянусь огнем-Ярилой, что принимал всегда прошения о милости и снисхождении. Я жизни сохранял даже яростным убийцам! Скажи, народ, а что же Президент?
- Президент — славный убийца; что ни бунт — то расстрел, на петицию — тюрьма, несогласных — в лагерь; там казнь убийц есть дело плевое, лишь ты убил — затем тебя.
- Да что за страсти ты говоришь, народ? Верить не могу! — кричит король в волнении.
- Не верь или верь — то дело не мое; а все же врать тебе не стану.
- Ты благ, народ, поверю я!
- Ты молодец, король наш славный. Спроси еще, что на душе лежит.
- Да что еще спросить? А, вот! Мы маленькая страна; хоть не бедны мы, но нет у нас ни самолетов, ни ракет, патронов очень мало. Зачем же нас поработать войной?
- А то тебе, король наш славный, хорошенько нужно знать. Большая хищная страна желает мир весь переделать, так чтоб равны все были: что царь, то и холоп; что муж, то и жена; что ты, что чужестранец. Мы все равны, так должно быть, так они думают.
- О гадость, о несправедливость! Какой же вой поднимут миллионы, коль каждого лишить земной короны?
- Тот вой не слышим, он тихий: молчи, налог плати; еще военный набор разоряет семьи — ведь служат там не по желанию, не за золото. Пришли, поймали, отвели — и ты служишь!
- О ужас, о земные страсти! — король чуть не взобрался на трон с ногами. — Но как такое боги сносят? Скажи, народ, откуда столько силы?
- Не только лишь равны все — одинаковы. Им всем прилично думать, как их власти, чтоб мощным кулаком разрывать цепи их соседей. Вот нас теперь порвать хотят, хотя цепей я на себе не вижу, — народ оглядывает свое тело, разводит могучими руками и свободно скачет на сильных ногах.
- О, знаю я, народ, ты сильный. Есть сила в мышцах и сила духа. Куда, однако, мышце против ракеты? Я боюсь за тебя.
- Не бойся, мой король, народ твой крепок, — начинает второй вельможа. — На помощь ты себе, на помощь ты народу послов послал; они нам приведут огромное войско, которое сметет врага.
- Вперед, на бой! И умирать не сметь — даю такой приказ, — король вскакивает с трона и принимает грозный вид. И все встают за ним.
- Вдруг двери зала распахнулись, и вошел еще один посол — тот самый человек, что утром привез из Большой Известной Страны ультиматум. Он вошел беззаботно и небрежно, даже с капелькой пренебрежения на лице. Но вдруг он видит — король кричит воинственно! Посол Большой Страны так был удивлен и испуган, что у него даже непрожеванное мясо изо рта выпало.
- Как? Неужели? О король, неужели вы согласны на войну?
- Я согласен! Подать мой длинный меч! Я разрублю врага! — меч еще не принесли, но король уже показывает, как бы он разрубал врагов. — Поди ты прочь, дрянной посол, поди, пока за решетку не посадили!
- Посол выбегает из зала.

Глава 2

Скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается: за одной главой — вторая, за второй — иная. А дело что? Сделал дело — гуляй смело; не сделал — гуляй все равно, гулять так гулять! Да гулять не всегда в усладу можно: иные по садкам и пиркам гу-

ляют, а есть и те, кто не ради забавы своей, а ради долга в путь вышли. И много препятствий такие люди на пути своем видят. Вот тебе горы — перейди-обойди. Вот тебе речка быстрая — мосты отыщи или ствол руби на лодку. Вот тебе лес хищный — от волков беги да зайцев лови на пропитание; спи на деревцах, коль медведей и пчел не боишься; сапоги о ветки сотри да кафтан изорви. Справился? Слава тебе! Недаром король на народ полагается; народ всякому королю помощник и опора.

Вот Сократ, еще утром соху бросив, теперь по горам-косогорам путь свой тянет, по рекам на плотах плывет, по лесам на волках скачет. Не страшны ему волки, не в тягость ему реки, плюет он на горы: куда природе против него. Путь его важен, путь его далек, путь его сложен, но рукой лишь машет бородач на все невзгоды. Достал он черствый пряник — вот еда. Нашел он лужицу лесную — вот и вода. А волчья шкура пусть в крови, пусть жестче пуха и соломы — куда смотреть на это.

День идет, второй идет, вот уже месяц идет наш Сократ, как видит золото вдали. «О! Вероятно, то столица прекрасных и бесстрашных людей, которым выпала благая судьба быть нашими соседями. Я знаю точно, они нам помогут», — думает Сократ и ускоряет шаг. Дошел до края города, видит первый двор с пшеничными полями. Забор, который обрамляет поле, крепок и высок; а дом за забором — серый, лютый и скучный камень. Дом крепкий, устойчивый и, чуется Сократу, богатый. Вот и сам хозяин выходит — лихой мужик, рубаха шита серебром. Квадратная челюсть, крепкий лоб. Ружье в руках сжимает, Сократа видит — ружье поднимает.

— Куда тебе? Не вор ли? — кричит хозяин. — Иди-ка стороной, гостей не жду.

— Я не к тебе, строгий хозяин, — кланяется Сократ, — хочу лишь спросить: чья вокруг земля, куда мой путь меня довел?

— Как — чья? — удивляется хозяин. — Ты не видишь меня, слепец? Все кругом, далече, моя земля.

— Я не о твоём дворе, ты меня не понял. Я о чудной стране, что вокруг лежит.

— То не мое дело, какая здесь страна. Версты на две земля моя, а дальше — нет мне дел.

— Но что за город там вдали? Я вижу, горят башни золотом! Я думал, то столица, куда я долго шел.

— Тот город, разумеется, столица, — отвечает хозяин. — Но все же мне нет дела. Иди, раз туда тебе нужно, но по моей земле не смей ступать. Вот две версты — их обойди. Не смей ступать дорогами моими, стрелять я ловко обучен, с винтовкой обручен.

«С винтовкой обручен он, во дела! И если много здесь таких, то, видно, сторона сия богата на войну и силу. Вот так союзник!»

— Скорей пойду, тебе — удачи, хозяин. Пусть ты строг и неприветлив, зато помог мне.

Сократ устремляется быстрым шагом, невзирая на усталость, вокруг забора в две версты. Настроим он высок и весел: и вправду, час прошел, половина от другого — Сократ уже в городе на площадь выходит. Обошел он, правда, еще немало строгих земель; никто сказать ему не мог, где же он оказался.

Стоит Сократ на площади, кругом торговля, ругань, крик.

Один кричит:

— Те пряности мои — я больше заплачу!

— Да что ты делаешь, друг, ведь я первый сторговался! — отвечает второй.

— Отдай мне ящики, а то я разозлюсь! — кричит первый.

— Да я плюю в тебя, тебя я не страшусь! — отвечает второй.

Эти два человека чуть не дерутся: один схватил другого за бороду, а тот — за грудки.

— Друзья мои, прошу, не ссорьтесь. Я вижу, здесь два ящика, купите по одному и разоидитесь в мире! — говорит наш Сократ.

— Нельзя нам так! — кричит один.
— Как можно думать? — кричит другой.
— Пускай не два, пускай — хоть пять. Хочу я все, мой упертый друг тоже. Пойди ты мимо, — говорят они в один голос и сурово глядят на Сократа, покуда тот не уходит.

Смотрит Сократ по сторонам, кругом чаша ругани и зла полна. Все жадность, все корысть, все деньги — ну его, семью, друзей, купить бы больше карасей! Но только отошел Сократ от лавок, пришел к фонтану, как видит — чудо! Птица райская, цветная. Хвост ее будто мириад ярких, броских, расчудесных цветов. Раскрыт ее хвост веером, им гордится птица и важно ходит вокруг хозяина, который птицу продает.

— О чудо божие! Никак сам бог огонь-Ярило сотворил такую радость нам! О чудо! Народ, ты что? Бери ты птицу поскорее, забудь про карасей и ящики с гвоздикой. Никакой имбирь, шафран, бадьян не сделает вам жизнь вкуснее — вся жизнь пресна без такой красоты.

— Каков процент у этой красоты, скажи нам, странник? — кричат люди. — Птицу нельзя пустить в рост. Нельзя продать за большую сумму, чем купил, да и этот продавец уже месяц птицу продать не может. Сам купи, если нравится, но знай, что красота денег не стоит. Пуста она, ею не прокормиться. Другое дело — караси!..

— Даже я согласен с ними, — говорит продавец птицы, — куда сгодится павлин в быту? Куда его в рост пускать? Не стоит птица и гроша, наверно. Красота — пустая глупость, услада для души. С душой прожить, конечно, можно, но куда нам жить без услаждений живота и власти над землей? Земли хоть так, не две версты, поменьше. Забор потом повыше да покрепче, защита от соседей. А птица что? А птица — ничего.

Пошел Сократ дальше, вздыхая и понуриив голову.

— Добраться до дворца правителя — зачем? — рассуждает Сократ вслух. — Коль правит каждый своей землей. Здесь все — правители. К кому идти? Неужели тот, кто в главном золотом дворце, богаче? Неужели тот войском владеет?

— Владеет, конечно, владеет! — кричит лежащий под деревом старик. — У одних лишь сто солдат в наеме, у других лишь пара тысяч. У толстяка в наеме более двухсот тысяч! Беги к нему, если нужно. Силен толстяк, как есть силен.

— Вот эта сила и нужна мне! — радуется Сократ. — Но что ты спишь под деревом, старик, где твой дом?

— У меня нет денег на дом.

— О, ты бедняк! Позволь помочь тебе, — Сократ достает мешочек с деньгами.

— Мне не нужно! Я живу богато, твой мешок смешон для меня. У меня много денег на яства и напитки, на куртизанок и веселье. Я лишь дом купить не могу и сплю в кустах.

— Каков чудак! — восклицает Сократ и идет дальше.

И вскоре доходит до большого дома, покрытого безмерными реками золотой краски. Золотые колонны, золотые башни, золотые оконные решетки.

— Ты кто таков? Зачем ты здесь? Пошел ты прочь, если хочешь жить! — кричит на Сократа подбежавший стражник. У него золотой доспех.

«Как низко! — думает Сократ. — Я знаю, злату место в кошельке и в казне. Зачем же глупо тратить драгоценность на глупый панцирь? Да стены краской обливать зачем?»

— Посторонись, солдат, мне очень нужно! — грозно отвечает Сократ.

— Куда тебе! Дворец закрыт для мимо проходящих. Это владение богача великого, что подарил товарные сношения стране. Поди же вон! — сильнее хмурится стражник и нацеливает в Сократа копье.

— Не пойду я, я посол славного короля Вельзевула Андреевича, что послал меня в сию дивную Вторую Неизвестную Страну.

— А ты откуда?

— Из Неизвестной Страны.
 — Как, ты посол славной Неизвестной Страны? — изумляется стражник.
 — Да, я посол славной Неизвестной Страны! — заявляет Сократ, гордо подбоченясь.
 — Пойдем тогда со мной, наш богач рад послам. Пойдем, ты отдохнешь, поешь фруктов с медом. Пойдем, пойдем! — стражник ведет Сократа под руки внутрь дворца и усаживает его на мягкие подушки. Тут же набегают слуги и приносят тарелки с фруктами.

— Прошу простить, друзья мои, куда в такое время есть? Уже месяц, как я покинул славную столицу, Старый Свет. Мне нужно поскорее поговорить с вашим богачом, раз так вы зовете правителя вашей страны.

— Он скоро будет, подожди, посол. Он скоро будет! — заверяют стражники и слуги, которые копошатся вокруг Сократа. А тот, от неудобства, даже стал грызть груши.

Вскоре явился толстяк богач, любопытствующий посла. Дел он, как оказалось, не имел никаких. Толстяк был знатным толстяком, четыре крепких человека с трудом несли его на носилках, в которых он лежал. Лениво слезши с носилок, толстяк забрался на диван и устался на Сократа — так сначала решил Сократ. Но нельзя было понять, куда толстяк смотрел: он был страшно косым на оба глаза. Глядел и направо, и налево, а на Сократа не глядел. Послу сразу стало неудобно, хотя в комнате они остались одни.

— Посол, ты говоришь? А напomini чей, — быстро проговорил толстяк, не здороваясь и не представляясь. Потом он поправил широчайшую белую рубашку, из-под которой вываливалось его пузо. Рубашка была шире диванного покрывала.

— Я посол Неизвестной Страны. От короля нашего славного — Вельзевула Андреевича, — Сократ был так скован размерами правителя Второй Неизвестной Страны, что чувствовал себя, как в школе перед учителем.

— О, я о нем слышан! Да только не встречались в жизни. Чего он хочет? — Сократ углядел в этих сложных глазах хитрость и дотошность, ему стало ясно, что толстяк общается только по делу; что-то подсказывало, что только по делу выгодному.

— У нас война с Большой Известной Страной. Мы хотим просить у вас помощи и союза, чтобы одолеть врага, — отвечал Сократ.

— Ха, Большая Страна! Они большие подлецы — не больше. Большие подлецы — больше меня! — и толстяк засмеялся от своей игры слов, схватившись за живот. — Там можно все — на голове пляши, никто не скажет, что ты дурак. Там все можно, все разрешено. Лишь запрещено запрещать и нарушать запреты власти. Но я знаю их суть! Все зло — их законы. Вот их законы нужно запретить, а не свободу, которую они ущемляют, негодяи. Чем дальше в лес, тем больше дров — и власти. Не унимается Большая Известная Страна, заявляет всем, что стало больше свободы. Там больше только власти!

— Так ты поддержишь нас... — Сократ чуть не сказал «толстяк», но вовремя запнулся, — ты поддержишь нас, богач?

— Я — поддержу ли? Все возможно. Сколько солдат вам нужно?

— Я будто что-то понимаю... Тысяч, может, сто. Не меньше.

— Прожорлив ты, прожорлив я, — а король твой прожорливее, сто тыщ солдат желает пожрать. Хорош!

— Хорош, хороший наш король, — обрадовался Сократ. — Хорош и славен. Грех и великая ошибка не помочь такому королю.

— А я помочь хочу, поверь мне, но не могу. Но как хочу! О, как желаю! Большая Известная Страна — рассадник злобы и нечистот. Хотят все покорить, переварить, перемешать. Весь мир в одно хотят свести. Но все мы разные, а им-то что? Хотят скатать

нас всех в одно. А знаешь, что бывает, коль художник смешает всю палитру? А будет цвет коричневый, уточнять я не стану. Да мало того. Им все политика, все — государство. Хотят пожрать весь мир республикой. Терпеть не стану этого, увольте. Парламенты и выборы, налоги и наборы, все под прицелом; будто закон есть «быть свободным», не хочешь быть свободным под колпаками их — веди себя в тюрьму. Вот мерзость! Ее я осуждаю, помочь же — не могу.

— Как? Отчего? — волнуется Сократ.

— Вот слушай. Мой давний недруг — князь Василий — перед тем, как сгинуть, закопал сундук. Сундук был непростой, и, как глаголят, наш старый князь был колдуном. Напившись страшно, в смерть, боюсь и говорить: стоял он просто никакой, вертел золотой палкой над головой и заклатья бормотал. Князя весь двор страшился, считали, что он с нечистой силой связан. Творил он такие дела, посол! Я хоть ни черта в жизни не боюсь, однако князя испугался; когда войной шел на него, я видел такое волшебство!.. Тебе я не скажу. Скажу одно, меня ты слушай повнимательнее.

Наш князь творил различные дела, но, видно, был он страшно алчен, желал много богатства, а потому создал чугунный котел, который весит несколько пудов. Когда в ту громаду попадает жидкость, так, закипевши, она золотом станет! Любая жидкость: вода, водка, хоть смола. Ты меня понимаешь, посол?

— Тебя, богач, я четко понимаю. В одном лишь толк не возьму: как котел мешает объявить войну?

— А очень просто, посол! Почти вся моя армия (кроме личной стражи) рыскает по землям старого князя и ищет сундук. А в сундуке и спрятан тот котел. Понимаешь?

— Да.

— Моя армия не просто так живет: не заплати им день — все разойдутся. Я так плачу им — за поиски — давно. Хочу окупить это дело. И коли ты, великий человек, найдешь этот сундук, я тебя награжу без меры — пойду я воевать, и разобьем Большую Страну. Ну как, согласен?

Стал Сократ думать: страны этой он не знает; Василия тоже не знает, ни где он жил, ни где прогуливался; как же нашему послу найти клад? Решил Сократ, что толстенький царек, ввязавший всю страну в грех похуже войны — в корысть, лукавит и врет ему. Но что поделать? Не возвращаться же домой несолоно хлебавши, да и свет не ближний — Старый Свет. Задумался Сократ крепко, брови нахмурил. А толстый негодай смеется, глядя на него.

— Чего тут думать, славный посол? Бери карты наших земель и деньги. Ищи, коли найдешь — тащи ко мне котел из клада; без войны домой не уйдешь! — толстяк смеется и сует Сократу карты с деньгами.

А Сократ все хмурится. Берет карты одной рукой, а другой медленно чешет рыжую бороду. Ну как здесь поступить!

— Согласен, — говорит наконец, — согласен отыскать твой клад, — берет деньги и уходит из дворца. Но путь держит не к офицерам и не к профессорам, что могут ему помочь в поисках клада. Он знает: не нашли они и не отыщут ничего, потому что искать надо в нужном месте. Не пойдут эти люди в лес; нет, лес здесь — не оскорбление, а указание прямое. Если ты болен корыстью, то в лес ты пойдешь не к красоте, не к природе, — ты в лес пойдешь, чтобы лес срубить, чтобы денег побольше забрать, тот лес продав. Был лес стоячим — молодец, но лишь придет наглец, станет лес лежащим.

Сократ, то уяснив, бежит скорее к тропкам. Знает, что в лесу живет старик колдун. Где же еще? Идет Сократ и день, и второй. Знатно накупил еды, уже не зайцев он ловит, но дорогое мясо жарит на костре, ест лепешки с сыром, поливая их оливковым маслом. Хотя шел Сократ два дня с утра до вечера, даже потолстел от такой еды, наел себе

бока. Но вот ест он последний кусок мяса, как слышит: люди песню поют. Как? Где? Почему раньше не слышал? Бежит Сократ на голоса и видит: костры в лесу трещат, еда готовится. Поросенок над огнем висит и чуть от жара не хрюкает. Вокруг — столы, столы, за ними — гости, гости. О, сколько же их здесь! Гуляют все и пьют. И что за диво, что за гости? Вот карлик с синей бородой жадно ест гречневую кашу, запивая вином. А там — русалка на ветвях, зеленым хвостом парня по затылку хлещет; но парень не простой — рогатый, и рога как оленье. Еще дальше человечек тост читает, ростом с локоть, не больше, читает громко, но только пищит. Диво страшное, Сократ обомлел. Но где ему теряться? Король его за делом послал, а не глазеть. Вышел Сократ к странному народу, а те — ни глазом на него. Дивится, устрашается, но идет упорно. И видит: во главе стола сидит король — нет, князь!

— Василий! — кричит Сократ.

— Василий я! — отвечает князь и машет золотой палкой. Князь пьян, до смерти пьян, стоять, идти — не в силах.

— Сиди уж, князь, я подойду! — кричит Сократ и подбегает.

— Чего тебе? — рычит князь.

— Я за помощью пришел, — отвечает Сократ, — правда ли, что у тебя котел есть: что туда ты ни нальешь, тут же вскипит золотом?

— Ха! Не знаю, было ли такое. Кто же ты, откуда будешь?

— Я — Сократ, посол короля. Прислал меня король Вельзевул. Ты о нем слышал, может?

— Вельзевул! Конечно, слышал. Мой старый друг! И слышал я, что ему страна еще осталась верной женой. Что нужно моему брату?

— Война!

— Война?

— Война! Но не сама война нужна, а помощь на войне. Заклятый враг всего мира объявил нам войну. Тот враг, что давно хочет порушить все порядки и людей политикой поработить.

— Смешно! Не знал я, до чего доходит мир. В моей стране, откуда ты пришел, сидит толстый свин — прям как этот! — князь указал на поросенка. — Толстый свин всю власть забрал, но я на него не в обиде. Я знаю, что народ ему политикой не поработить, поскольку политику он вовсе отменил. Политики нет, зато есть деньги! Кругом в умах только деньги, дураки всю красоту мира забыли. Но все лучше, чем политика, пусть живут, как им угодно. Кому не нравится, все равно приходят к старому колдуну, хе-хе!

— Прости уж, князь, что тороплюсь, но война давно идет. Ты дашь мне котел? — спросил Сократ.

Князь открыл рот, но не успел ничего сказать. Из леса, позади героев, вышел огромный тролль. Он ломал деревья, ревел и кричал, направляясь к столам, где сидел дивный народ во главе с князем.

— Что за дело! — князь резво поднялся, будто ни в одном глазу. Потряс воинственно золотой палкой. — Тролль! Здесь? Зачем? Нужно его непременно отогнать.

Весь люд молчал, веселые песни и пьяные разговоры стихли.

— Славный Сократ, окажи мне службу — изгони тролля, тогда и получишь свой заветный котел. Вперед, на бой, благословляю тебя.

— Что за дело, что за страхи, — Сократ безропотно пошел от стола к троллю, пожимая от удивления плечами и доставая дорожный топор из-за пояса. — Как же одолеть его? Зеленый, страшный, стоаршинной горе подобен. Страсти, страхи, ужасы! Но что же делать?

Сократ крепко схватил топор в руки и побежал к троллю, стараясь ударить его по ногам и улизнуть от хватких рук. И вот Сократ проскальзывает под кулаком тролля и бьет его по ноге — лезвие вгрызается в икру всего лишь на полногтя. Толстая у тролля шкура.

Троль хватает посла, но не сжимает в кулаке, а лишь отбирает топор.

— Прости, князь! — кричит Сократ. — Не поборошь мне тролля.

А князь — смеется.

— Не смейся, князь, не обижай меня! — взмолился Сократ, готовясь принять смерть.

— Да прости уж, Сократушка, что обманул тебя! — кричит князь Василий. — Прости! Троль — тоже мой гость, я напугал тебя зазря.

Троль отпускает Сократа, возвращает ему топор, по-доброму посмеивается, гладит одним пальцем по голове. С больших клыков, торчащих изо рта, течет от смеха пена.

— Ну, князь! Зачем же так обманывать? — держась за сердце, Сократ возвращается к столам. Там все смеются, ободряют Сократа и предлагают ему разные кушанья и напитки, дабы тот пришел в себя.

— Прости еще раз, верный посол друга моего. Будет тебе такой чугунный котелок, пусть его я не творил. Садись же за стол, выпей с нами!

— Да куда мне пить, куда мне время тратить, добрый князь, ведь мне домой целый месяц возвращаться!

— Кому и месяц, а кого и тролль за недельку отнесет. Выпей!

— Выпей! — кричит карлик с синей бородою.

— Выпей! — кричит русалка.

— Выпей! — кричит парень с оленьими рогами.

— Выпей! — кричит человечек с локоть.

— Выпей! — страшно ревет тролль.

— Выпей! — кричат оборотни, дряхлые бабки, лешие, водяные и все остальные гости князя Василия.

В руки Сократу впихивают большую кружку, которая благоухает травами, медом и корицей.

— Выпей, выпей, славный Сократ. Скоро трубы полков зазвучат! Выпей, выпей, славь короля. Скоро трубы мир сотворят! — запели гости князя Василия и принялись повторять много раз подряд.

Сократ не успел опомниться, выпив первую кружку, а ему уже со всех сторон то еще кружки суют, то бокалы с вином, то рюмки с водкой; все смеются, хохочут, играючи издеваются. Троль, залпом опорожнив бочку, принялся нелепо танцевать, подсакивая на одной ноге (изображал боль от раны), от чего все деревья затряслись и тоже заплясали. Гости мигом выбрались из-за столов и стали танцевать — парами, перекрестившись локтями и смешно подпрыгивая, стараясь подразнить тролля. Сократ вдруг оказался в паре с князем, который подмигивал ему ехидно каждый раз, когда они встречались глазами. Уж неизвестно, чем таким напоили славного посла, но тот потерял ориентацию уже через несколько минут и не понимал, что вокруг творится. То он танцевал в хороводе, то сидел на плечах у тролля, то на ветке обнимался с русалкой (Сократ не был женат), то пил с Кощеем и водяным из больших дубовых кружек. И лишь раз заметил, или привиделось ему, как князь, подняв ладони над головой, шепчет что-то, а потом поднимает с земли котел. Но всякое по пьяни привидится, не правда ли?

И вот на следующее утро, залечив послу похмелье лесными травами, князь отправил тролля с Сократом на спине в обратный путь. Сократ с открытым ртом глядел на мелькающие вокруг ветки и кусты. В три часа до золотой столицы добрались!

Толстый правитель, о котором так глумливо отзывался князь Василий, увидев, как закипевшая вода стала жидким золотом, так испугался и заорал, замахал руками, что Сократ подумал: «Не рехнуться бы ему, а то все зря!» Но нет, толстяк лишь сбегал, крича на весь дворец: «Не верю! Не верю!» Потом он к Сократу так и не вышел, но передал ему известие через стражника: «Просьбу о военном союзе исполняю. Все солдаты освобождены от землекопных работ и будут сведены в армии в ближайшие дни. За котел благодарен безмерно, теперь буду думать, как это золото от частных собственников скрыть. А то еще наймут охотников до чужого добра! Хе-хе. До свидания, посол, больше не увидимся».

Счастливый и довольный Сократ возвращался домой, в свою Неизвестную Страну. Тролль был плохим собеседником, но волков на мясо только так давил. Добежали они даже не за неделю — за пять дней.

Глава 3

И сказка сказывается, и дело делается. И Иван уж до страны, что нужно, добрался. Видит впереди мощенные дороги — добрые каменщики в этой стране живут, думает. Видит впереди поля ухоженные — добрые крестьяне в этой стране живут, думает. Видит на дорогах и полях тех самых добрых людей, едут они на повозках, иные на пустых, иные на груженных. Здравуются с Иваном люди, о здоровье спрашивают, откуда прибыл к ним, интересуются. А Иван им все отвечает, все рассказывает. Дивятся люди путешествию — дивится Иван приветливости. На том и расходятся.

Но Иван знал, куда он приехал. Он знал, что потоки крови, ужаса и страданий несут люди, облаченные сейчас в милую улыбку. Третья Неизвестная Страна всю свою жизнь, затерянную в веках, кормилась смертью и войной. Пусть улыбки встречающих Ивана не обманут, он знает, какие на деле люди, что умеют клинок держать и тот клинок вонзать в плоть врага. Это знает Иван!

Знает Иван, но не пугается, не страшится — напротив, он очень рад и счастлив. Он видит людей, чьи руки пропитались кровью; он видит лица в шрамах и ожогах; он видит марш из тысяч солдат, которые разметают по полю брани любую Большую Страну. Иван видит славного союзника! А потому он спешит во дворец их государя, не жалеет ног, дорогой испытанных.

Иван все узнал перед отправлением: люди говорят, что их государь скорее отрицет влюбленную в него деву, чем откажется полюбоваться на солдат. Государь всегда в мундире, государь всегда готов к походу; даже повод для войны не нужен, как думалось Ивану, лишь блеск мечей вдали сверкнет, войну тот государь тотчас начнет. Государь, за труд войной награжденный, влюблен в солдат. Союз хорош: сверкают дула, достойна Третья славы Вельзевула.

Иван не видит столицы, он бежит во дворец. Бежит к парадной лестнице, забывшись, запыхавшись, не видит, что вокруг пусто; вокруг ни души, ни слуг, ни стражи. Даже лестница, покрытая красными коврами, давно потрескалась, ковры подгнили. Но этого Иван не замечает, он бежит дальше, через множество залов и коридоров. Но везде пустота несется ему навстречу! И наконец Иван заметил: никого во дворце нет. «О нет, какая страсть! — кричит Иван. — Какое поражение! Ведь я посол, но, как я вижу, послать себя мне не к кому. Но нет, не верю я, что пуст дворец. Здесь, вижу, сочный огрызок яблока дожидается укуса, там — чернильница раскрытая, а рядом с ней письмо! (Читать его не буду.) А что там дальше? Книжный шкаф, на нем нет пыли; вижу платяной сундук, а он раскрыт и полон. Нет, здесь живут, мне нужно лишь искать».

Но куда идти, Иван не знает. Куда бежать, если везде был? Идет Иван наверх, выше, он чувствует, в башне можно монарха отыскать. Устал, но все равно бредет настой-

чиво. Заходит в башню, в некий зал — залит зал светом и... завален мусором. Упал Иван на пол, устал он, исходился. Не видит государя, что сбоку притаился.

— Ты кто? Тебя не звал. Скорей уйди! — кричит монарх и вылезает из кровати, забитой объедками.

— Как кто? — удивляется Иван. — Я знаю, кто я: я посол. Но не могу понять, кто ты. Скажи мне, милый человек.

— Ты, видно, не из здешних мест, скотина, ты не знаешь государя в лицо! — кричит государь и полностью вываливается из кровати. Заросший бородой, волосами и бровями, в облешем бархате и рваных башмаках, предстал тот государь перед Иваном и стал ему увечьями грозить.

— Помилуй, государь, я к тебе за подмогой! Не знал я моды вашей стороны, как здесь монархи проживают, — пытается Иван оправдаться.

— Молчи, глупец! — государь отходит к окну, нахохлившись. — Ты мало понимаешь. Ведь ты — не я, я понимаю много. Чего ты хочешь?

— О славный государь, правитель Третьей Неизвестной Страны! И месяц не прошел, как мой славный король Вельзевул Андреевич послал меня к тебе просить помощи. К нам движется война, хотят разорить наши законы и наш народ. Ты, я знаю, слышал о Большой Известной Стране.

— Молчи! — государь грозит кулаком. — Мне известно о Известной Стране, но говорить о ней я не хочу.

— Прости, мой государь. Но я слышал и другое: ты очень любишь на войну ходить, жечь селения и брать в полон. Ты любишь гнуть металл врага, который долго ковали в кузнях, не зная, на кого наткнутся. Ты нужен нам, о государь, ты нужен Вельзевулу!

— Я знаю Вельзевула. И люблю его. И на войну сейчас бы вышел, но... — государь замолкает, ему вдруг становится неудобно, и он раздражается. — Что ж, ладно, слушай, мой посол. Ты, знаю, глуп, но уж пойми меня, постарайся.

Государь садится на замусоренный диван, приглашает жестом сесть Ивана, тот, мусор потихоньку разбросав, садится на краешек зловонной мебели.

— Мой род всегда любил солдат, ты сказал мне, что знаешь это. Верно! Слушай. Собрал мой отец как-то армию и пошел бить врага, то тридцать лет назад было. Взял он в поход и меня, еще мальчишку; и вот врага он одолел и принялся расправляться с пленными. Я слышал вой и стон, и мне от того зрелища стало противно и тошно. Когда мне исполнилось двадцать, я сам пошел в поход, где врага разбил. Но пленных я приказал не трогать, а отпустить домой; сказал я солдатам, что больше резать связанных им не придется. За это меня солдаты полюбили, среди них живодедов не было. Я думал, лишиться страшных древних традиций — не беда, а благо. В следующем походе я сказал солдатам: «Вас я люблю больше, чем дед мой мог любить, и по любви я совершу благо: я дисциплину искореняю, вы подчиняться строгим палкам более не вольны». Солдат меня благословил и, вырвавшись из плена офицеров, пошел по деревням грабить мирных жителей. До той поры такого грабежа моя страна не знала, обычно дисциплиной все решалось. Но чего, спрошу тебя, глупец, нельзя нам сделать любви за-ради? Офицерство стало недовольно, пришли ко мне и раскричались; крича, они мне сообщили, что без страха палки нельзя войну вести. На это их уверил я, что следующий поход будет удачным, бояться нечего. Я верил в славную победу, я помнил, воевали деды — побеждали вечно. Не отменю традицию викторий и одолею снова всех.

Настал мой третий поход, мы окружили врага, но враг тот был могучим и дрался страшно. Офицерство стало глупым и не смогло вести солдат; солдаты вдруг спать захотели — бой шел ночью, — стали с поля уходить. Кричат им офицеры, угрожают, но ничего сделать не могут. На что мне такие офицеры? С поля боя я сбежал, не смог достичь победы. Разбили нас, а офицеры умерли.

Вернувшись домой, в эту славную столицу, я решил: нужно наказать виновных. Я распустил корпус офицеров и сказал солдатам: «Вы вольны! Вам, братцы, настала пора свободно жить. Я вас люблю». Солдат отвесил поклон и сразу умчался из казарм, меня вмиг бросив. Но я-то знал, что солдатам нужно еще послабления, и тут же отменил казнь дезертиров, а еще разрешил солдатам пить во время марша и постоя. Случилось чудо: я проиграл войну! Страна понесла великие потери: лесом, серебром, землей. О страшное время! Я ничего не понял, ведь солдатам я желал лишь счастья и довольства. Ты глуп, посол, тебе сложно меня понять...

— А почему и слуг нет во дворце? — спрашивает тут Иван.

— А слуги разбежались, как солдаты. Я им плачу, конечно, до сих пор, но нет их, как нет зеленого листа зимой... — тоскливо произнес государь и уронил голову на грудь.

— Как ты им платишь, коли нет их?

— Отсылаю деньги домой.

— А кто их носит?

— Я сам, бывает, прогуляться захочу.

Иван замолчал. Он уверился, что глуп именно государь.

— Но что же делать? Где твои солдаты? Быть может, стоит отыскать их, попросить еще раз на войну выйти?

— О, я с удовольствием! Давно не видел милых подлецов, которые бросили меня. Готов им денег дать, готов дать украшений, женщин, драгоценностей. О! Тебе я прикажу их отыскать. Минуту жди.

Государь ушел в темную комнату, дверь в которую пришлось разгребать от завалов, и скрылся там. Вернулся не скоро: в комнатке слышны были звон и грохот. Вот наконец государь явился. Нес он пару мешков, что для картошки — из грубой рваной ткани.

— Что это, государь? — спросил Иван.

— А это — золото, здесь много, — ответил государь. — Пойдем-ка в окно выглянем. Государь и Иван подошли к окну.

«Верно, и тебя солдаты любят, — подумал тут Иван, — а то бы твой дворец давно по камушку растаскали».

— Ты пойди, — начал государь, — в наш лес да оставь на опушке эти мешки, я еще напишу письмо к солдатам. Может быть, они захотят вернуться и послужить еще одну кампанию. Напишу я, что нужна мне до солдат большая, хочется мне страсть как с нечестным человеком повоевать.

— А где твой лес? — спрашивает Иван.

— Вон, из окна видать.

— Так то не лес, — дивится Иван, — то садик, четыре деревца стоят.

— Сразу я сказал, что ты глуп, посол, — хмурится и почти обижается государь. — Да разве можно, не имея государственного ума, противиться государю? Слушай: говорят ведь, что в трех соснах можно заблудиться, значит, в четырех соснах можно тьме солдат спрятаться. Иди, посол, снеси письмо и золото.

Вышел Иван из славного дворца — один мешок за левым плечом, другой за правым, — сел на ступени и не знает, что делать. Горюет Иван, у него нет мыслей, куда идти, где найти войска, как одолеть Большую Известную Страну. Союз не удался, дело ясное. Смотрит Иван вокруг на поганый двор: кругом все заросло, двор неубранный и грязный, повсюду пир буйных трав; тут и там валяются ящики и доски. Решил Иван спрятать мешки с золотом на дворе: деньги в грязи не станут искать. Огляделся, осмотрелся, сунул мешки в дальние ящики и завалил дерном. До поры полежат. А сам, тоской поврежденный, решил предаться туману разума. Пошел в кабак ближай-

ший, ведь не искать же, в самом деле, солдат в тех убогих деревцах, что растут в государственном саду?

Пришел Иван в кабак и заказал две кружки, вторую — чтоб часто не бегать. Сидит и пьет, грустит, душа его ноет. Не замечает Иван, что творится в кабаке: а полон кабак лютейшего народу. Кричат, волнуют воздух злобой. А что стало причиной, на то ответ Иван не ищет, он кружки дно желает разглядеть.

Но вдруг услышал он крамольную фразу, кричал там кто-то, будто государя нужно разорвать.

— Ты пьян не в меру, сволочь, раз такую речь выдал твой грязный язык! — кричит Иван, с трудом вставая. — А ну явись, негодяй!

— А ты откуда, мужичок? Не знаем тебя в лицо. Представься и садись к нам. Не помешает человек, способный постоять за власть, — отвечают ему люди в кабаке.

— А я — Иван, королевский посол. Прибыл в Третью Страну, чтобы отыскать союз против Большой Известной Страны, но государь ваш мне сказал, что все солдаты из казарм убежали. Теперь не знаю, что делать, запиваю горе медом.

— О, ты посол! Послу — подарок. Подать сейчас же новую кружку! Тебе, посол, я вот что скажу: наш государь сам виноват. Если он тебе рассказал свою историю, ты со мной согласишься; я предвижу твой вопрос: мы все здесь бывшие офицеры, которых государь распустил. На добро ты к нам зашел, в трактире по соседству пьют солдаты, от них бы ты слова доброго не услышал.

— Верно говоришь, я наудачу к вам зашел, о офицеры, — у Ивана загорелись глаза, он почуял, что не все потеряно, — но что делать, скажите мне? Как государя убедить, что нужно в армии порядок поддерживать? Что в армии нужно держаться субординации и подчиняться офицерам?

— На это мы ответа не знаем, мы часто с государем говорили — все без толку. Вот если бы достать нам денег, мы бы всех солдат перекупили, создали бы новую армию и пошли бы с Большой Страной воевать. Но денег у нас нет, смотри, по две кружки еле пьем — на третью ни гроша нет. Без службы сидим, без жалованья.

— Трагична, офицеры, ваша доля, — Иван тут же подумал, что не грех было бы отдать те два мешка на новую армию, — но можно ли дело справить так, чтобы не обмануть государя?

— Для этого, посол, нужны солдаты, — послу наливают четвертую кружку, и оказывается, что ни у кого из офицеров не наберется денег на пятаю. — Государь страсть как солдат любит. Дурак наш государь, что поделать, но если вдруг к нему придет солдат, который сам попросит вернуть в армию офицеров и дисциплину, то государь с радостью согласится. Только где таких солдат найти? Какой солдат захочет, чтобы его дергали за усы и посылали в строй матом? Солдат у государя только деньги держат, а у нас ни денег, ни бывшего уважения. Что нам делать?

— Ответ на это, офицер, я знаю: недаром я выбран в послы. Я денег дам, тех денег, что государь мне передал на армию. Он думал, конечно, что солдат вернется, лишь заметив гору золота. Но я в это не верю, офицер, здесь и ваша сила нужна, иначе армия — не армия. Я дам вам денег, но не хочу обмануть государя. А потом я пойду искать солдат, которые захотят перед государем открыто в вашу пользу говорить.

— Благодаритель! — закричал трактирщик. — Возьми пятаю кружку без платы!

— Возьму я, друг, благодарю тебя, — согласился Иван.

— Благодаритель! — закричали офицеры. — Неси скорее деньги, а солдата мы найдем.

— Как, вдруг найдете? Ведь говорите, что нет таких солдат, — удивляется Иван.

— Конечно, нет, коль нету денег. Но с мешком золота любой из сотен тысяч даст голову на отсечение, что хочет он быть бит в строю.

— Тогда я пойду за мешками. Ждите, я вмиг обернусь, — Иван встает и спешит на улицу.

— Ты погоди, посол, мы с тобой пойдем, — с ним устремляется множество офицеров. — Чтоб не бояться, будто деньги украдут в пути, чтоб не бояться, что ты пропадешь без известий.

— Ну что ж, пойдем.

Спешит Иван, бегут вместе с ним офицеры из кабака. Насилу Иван мешки отыскал, поскольку множество всякой дряни на них сверху насыпалось. Лишь нашел Иван те мешки, как их сразу офицеры отняли и ведут посла под руки обратно в кабак.

— О благодетель! — кричат они. Но Ивана уже не помнят, только на золото смотрят.

Иван же — в ус не дует. Идет он в кабак, там ему подносят множество бесплатных кружек и плотный ужин. Хозяин кабака приглашает Ивана переночевать наверху.

Наутро, лишь проснувшись, посол слышит дивные звуки. Это трубы затрубили и громко принялись бить барабаны. Иван глядит в окно, а там — о радость! — войска до горизонта стоят. Рядом артиллерия и танки, а дальше — множество повозок, груженных топливом, снарядами и провизией. Солдаты идут стройным шагом, офицеры их угощают по зубам, если те ступают криво. Идут солдаты — все на вокзал, в поезда садятся. Вновь едут на войну. Солдаты, чьи зубы еще целы, улыбаются так ясно и счастливо, как будто едут на курорт или в рай, а не в окопы. Да разве знаем мы прямой ли дорожку к раю, чем из окопа вражью стаю поливать огнем?

Глава 4

Вот два дела удачно завершились, вот две счастливые армии в поход идут. Одна наемная, другая государя, разные они, но союз друг с другом принимают за почесть. Едут армии и день и ночь. Хотят скорее нагнать врага, дабы победить его и размять по полю брани. Глаза горят, сверкают бляхи и погоны, сверкают сапоги, смазанные дегтем. Спешат войска на бранный путь, и пусть многим быть убитыми, — все суета, томление духа, что было, то и будет; война всегда, война повсюду, во имя войн не страшно умереть.

Но что же наш третий посол, добрался ли до далекой страны? А та страна действительно очень далека. Путь к Четвертой Неизвестной Стране преграждают сотни верст, тысячи извилин гористой местности, десятки рек. Но Козьма идет упорно, невзирая на усталость. Идет недели, идет месяц, вот и второй месяц к концу приближается. Козьма боится не успеть, вдруг силы врага одолеют Вельзевула раньше срока, указанного первым генералом? Оттого Козьма и спешит, не зная устали, спешит так, что сил нет отдыхать. Ноги его стали подобны стальным стержням. Бежит и наконец добирается до городских ворот, но стража его не пускает. «Ты, — говорят, — на жалкого бродягу похож. Нам в городе таких не нужно».

Слышит это Козьма, но у него нет сил, чтобы ответить. Он до боли запыхался от быстрого бега. Решил он себя тут осмотреть и видит: весь он рваный и грязный, репы на нем гроздьями, склоки и дрязги с сотней жен будто прошел он.

— Не бойся, стража, я посол! Я из далекой страны к вам прибыл! — кричит Козьма, а стража на стене затылки чешет — сомневается.

— А чем докажешь? — спрашивает стража.

— Нет у меня доказательств, только моя борода из русской нити мне свидетель. Два месяца назад я утром вышел из дома, а я лечил людей, вправлял кости и порошки прописывал. Утром трудился, а потом вышел погулять. Вышел и слышу: зовет меня король; побежал я во дворец. Нас три посла, мы три простых человека, отправленных

в три страны за помощью: Сократ — крестьянин, Иван — мельник и я, Козьма, лекарь. Решил нас король послать вместо лукавых и мудрых людей, сказал, что по-простому лучше говорить, будто бы король лично обращается. Я принялся за службу и прибежал. Пустите, пожалуйста, мне нужно к царю вашему!

— Какие речи у него! — ухмыляется один стражник. — Надо пустить его, что думаешь?

— Нет, не согласен. Врет он, — отвечает второй.

— Но я не вру! — кричит Козьма.

— Я тебе не верю, — отвечает второй стражник.

— Но я поверил, — прибавляет первый.

— Так что мне делать? — спрашивает Козьма.

Второй стражник кричит:

— Иди прочь, бродяга.

Но первый не согласен:

— Ты подожди здесь, я позову начальство.

— Как? — удивляется второй стражник. — Зачем ты ему веришь?

— Мне не в тягость дело разобрать. Быть может, правду он сказал, тогда насколько, брат, мы глупы, если его не пустим? Как, брат, мы сильно пострадаем, а?

— Ах, ладно, дело твое. Я останусь здесь.

Первый стражник уходит за начальством, второй остается на стене.

Первый возвращается, за ним — высокий человек с моноклем.

— Ты кто? — бросает он, лишь мельком разглядев Козьму.

— Я Козьма, посол от Вельзевула-короля.

— От Вельзевула! — высокий человек разинул рот, монокль выпал. — Скорей впустите его, болваны. Тебя, первый стражник, ждет награда, а тебя, второй, сегодня оштрафуют. Открыть ворота!

Козьма спокойно вздохнул и шагнул в город. Высокий человек с моноклем его подхватил и ведет за руку.

— Куда меня ведешь? — спрашивает Козьма.

— Сначала в баню, а потом за стол. Ты нечистый, голодный и некрасивый. Нельзя в таком виде тебя к царю посылать, сначала вымойся, отъешься, одежду новую примерь, а потом пойдешь.

— Нет у меня времени! У нас война, мне нужно быстрее!

— Война далече, здесь не пропадешь. Иди, тебе я говорю, и мне не перечь. Царь тебя сегодня примет.

Козьму заводят в царскую баню и зовут банщиков, те вмиг явились и стали Козьму хлестать; насили пыль лесную и дорожную выбили, с огромным трудом его отмыли. Чистого Козьму посадили за столы, покрытые белой скатертью, а на них такие яства, что кажутся дороже короны Вельзевула. Напитки и вина сладки и чисты. До толстоты Козьма наелся, с трудом встал из-за стола; но только встал, его тут же поимали и принялись наряжать в богатые одежды — шелковые и шитые драгоценностями. На славу Козьме посольское платье подобрали — по меркам и по моде. Отмыли, накормили, одеждой наградили и повели во дворец под руки. Никуда Козьме не улизнуть, если бы хотелось. А перед дворцом какие силы стоят! Шеренги с ружьями наизготовку, словно война идет, вокруг забора дворцового танки едут, а дворец сам — с версту длиной да половиной версты в небо упирается. Зеленый громадный дворец с резной лепниной и древними статуями, окна в нем, словно горный хрусталь, сверкают.

— Друзья мои, неужели война и у вас идет? Столько войска вокруг! — спрашивает ошеломленный Козьма.

Спутники его смеются:

— Нет, посол, ты ошибаешься: война два года как закончилась, там царский кулак всех разгромил. А это — лишь дворца охрана малая.

«Вот это союзник! Вот это сила! Ура! Ура царю Четвертой Неизвестной Страны!» — думает Козьма.

На площади уже собирается народ, глаза на посла, ручкой машет, в путь к царю благословляет. Народ на вид крепок, бел и сытен; одет красиво, пышно. Посол желает в ответ народу счастья и довольства.

Только во дворец вошли, как снова испугался Козьма: стоят по углам и в дверях высокие и страшные гвардейцы, чьи шапки бороды Козьмы длиннее. Гвардейцы смотрят на него, а посол взглянуть не смеет — экая громадина, по мерке дворцу! Ведут посла через палаты: кругом белый камень на полах, жемчугом стены осыпаны, картины полотнищем в семь аршин; везде краса, нигде соринки нет. И у каждой двери те гвардейцы; стоят, глядят послу в глаза, свирепо, что медведи.

Едва речи не лишившись, дошел Козьма до приемной комнаты. Провожатые пожелали ему удачи и бежать — стремглав. Сел посол в приемной, стал дожидаться, когда его царь позовет. Ни белому, ни драгоценному камню волнения Козьмы не унять. Вдруг заходит в приемную со стороны коридора дедушка: росту небольшого, вдвое ниже гвардейцев, белая борода, пышная, укладистая. Подумал Козьма, что одежда на дедушке простая, не дворцовая, словно он с улицы зашел.

— Ты тоже, дедушка, к царю? — спросил Козьма.

— Ха, здравствуй, здравствуй. Ты посол? — спрашивает дедушка, будто не слышит Козьмы.

— Посол я, верно говоришь.

— Чай, я не Пушкин, чтоб туману наводить, да ты, быть может, догадался: я и есть царь. Пойдем со мной.

Козьма этого никак не ожидал, открыл рот и не в силах ничего сказать. Идет за царем, садится в бархатное кресло. Сам царь садится за стол из палисандра, крашенного темным лаком.

— Рассказывай, посол, зачем пришел, — говорит царь тихим голосом.

Козьма — молчать. Он поражен.

— Ты не молчи, посол, тебя я прогнать могу, коль ты бесполезен, — все так же тихо говорит царь и спокойно смотрит на Козьму.

— Прости, мой царь, прости меня! Я испугался! — Козьма вскакивает на ноги.

— Сядь, не бесись, — молвит царь.

— Я пришел такого дела просить: к Вельзевулу-королю, нет мочи, война бежит быстрее леопарда. Большая Известная Страна ему войну объявила. Прошу тебя от лица короля: помоги нам в этой войне.

— Про это знаю, — мягко отвечает царь. Он сосредоточен и тих, а из окна раздаются веселые песни — празднуют прибытие посла. — Война уже давно идет, я думал вам помочь, но два месяца никого не видел — ни послов, ни телеграмм. Ответь мне, почему ты явился так поздно?

— Бежал, как мог, царь, прости уж. А бегать с детства не приучен, быть может, другой бы быстрее меня добежал.

— Ты разве пешком шел?

— Да, пешком.

— А как же поезд или самолет?

— Прости уж, царь, но в Неизвестной Стране такого нет.

Царь хмыкнул:

— Неужели?

— Верно тебе говорю, нет.
— Что ж, верю. А есть ли документ? От Вельзевула.
— Нет, документа нет, письма король не писал. И зачем документ, когда есть я?
— Станный вы народ, вижу; странен ваш король. Но зазорно мне с Большой Известной Страной воевать. Об этой войне я, конечно, думал, но знай, посол, что два года назад я был союзником Большой Страны. Мы тогда разбили волка-неприятеля. Мне не нравится Большая, я знаю много недоброго про нее, но как мне рубать союзника? Скажи.

Козьма опять — ни слова. Не знает, как нужно ответить.

— Ну что ж, молчи. Я сам стану думать. Скажу тебе наутро. Пойдем со мной, хочу размять кости и прогуляться.

— Пойдем, о славный царь, — отвечает Козьма.

Вышли из дворца. Когда далеко ушли, Козьма спрашивает:

— Мы что же, царь, не возьмем гвардейцев?

— Нет, не возьмем, здесь безопасно, — отвечает царь. — Как я слышал, войной повсюду страны кормятся. А что до нас — мы войной не живем, мы войной благо добываем. Знаешь, что мне принадлежит половина континента?

— Этого не знал я, славный царь! — Козьма ошеломлен.

Вышли они на широкую улицу. Кругом машины, гул гудит, много пара. По небу самолеты летят, рев дорожный хочет за уши укунуть. Везде на первых этажах — театры, рестораны и музеи; там люд, в богатую одежду облаченный, кутит и веселится. Повсюду смех. И неужель не грех войной такое заработать?

— Ты, царь, молчишь? — спросил Козьма.

— Да, я молчу. Дай мне подумать.

Уже солнце с неба валится, близится к закату; вокруг червонные и красные блики. Кругом тепло, народ хорош — Козьма разомлел. Он рад, что оказался в столице через два месяца скитаний по лесам. Но забыть о задании не может.

— Могу спросить я?

— Спроси.

— Я слышал, как говорил Фома Аквинский, что та монархия блага и хороша, в которой ты, мой царь, окружаешь себя советом из мудрых людей и всегда спрашиваешь их мнения. Почему бы тебе не собрать вельмож?

— Ха, слышал он! Кто, право, Аквинат? Католик. Но мы же не католики; я его речи слушать не стану. Если бы я собрал вельмож, то слушай, что бы было — все вельможи хотят войны, чтобы накопить богатства; а все офицеры хотят войны, чтобы накопить чинов и славы. Я не осуждаю ни денег, ни чести; и вельможи, и офицеры гибнут за страну и за меня. Но лучше вовсе никому не гибнуть, жизнь человека ни деньгами, ни славой не окупится.

Сказал то царь и вновь — молчать.

Козьма задумался и нашел слова царя верными. Показалось ему, что царь мудрый. Пригляделся Козьма пристальнее: ростом царь невелик, борода седая. Тяжел царь духом, рука его, коль положи Козьме на плечо, ломает кости. На вид царь спокоен, но как его глаза давят! Тщедушная фигурка, шаг медленный, упрямый. «Вот царь так царь, не может быть таких!» — подумал Козьма.

Тем временем путники подошли к громкому хороводу, что напротив баров-кабаков резвился. Там люди хорошо приодетые, пребогатые танцуют, смелы они, ногами вверх лихо выстреливают да подпрыгивают. А то поют:

— Да лужком девки, да лужком девки, да лужком девки гуляли. Да с комариком, да с комариком. Да с комариком плясали. Да комарь муху уловил, да комарь муху уло-

вил. Да реберушки, реберушки переломил. Да суставчики, да суставчики порушил. Да кричал-зипал, кричал-зипал голосом: «Да подать топора! Да секи-руби, да секи-руби комара!»

Завидели пляшущие царя, стали кланяться, царя в круг звать. А царь отсмеялся глухо, махнул рукой и сказал, что, мол, ноги болят. Смотреть, говорит, ему тоже веселье не меньшее. И стал народ резвиться, как в последний раз, стал царя услаждать. Царь смотрит, веселится, в тяжелых глазах огонь вспыхнул. Царь похлопал в ладоши, а уходя, помахал народу рукой. Тот ему кричит, чтоб возвращался через неделю.

Царь идет дальше, будто и спешит, бежит, как не в свои года, белоснежная борода колышется. Поравнялся с войсками, что вдоль стены стоят. Те в унисон кричат:

— Рады служить тебе, царь!

Кивает царь и идет вдоль рядов.

— А есть ли среди вас подпрапорщик, чье прозвище Крючков? — спрашивает царь. — Ему еще одна награда затерялась, я ее доставил.

— Есть таков, царь-батюшка! — из строя выходит один: фуражка на боку, усы закручены, спина ровная.

— Не смей считать, что я тебя забыл, твой подвиг — мне награда. А это — твоя. Держи, ты заслужил, — царь цепляет к груди подпрапорщика золотую медаль. — Тебе награда не жаль нисколько.

— Рад стараться, царь-батюшка! — отвечает подпрапорщик и приставляет руку к козырьку.

Царь вновь ухмыляется, кивает и идет дальше, Козьма — за ним.

Царь все молчит, ни звука не проронит. Идут они с Козьмой дальше. Идут, а Козьма все дивится и страшится чудных зданий. Те как дворец, лишь размером меньше. А царь молчит, на здания не смотрит. Вот входят в галерею, чей потолок подобен небу хмурому. Идут, а справа длинный ряд цветочный. Потом — картины, следом — книги. Царь идет и не поворачивает головы на продавцов, что зовут его. А голоса такие:

— О царь, приди, вкуси последних писков красоты! Картины новые, чудесные; батальи много, много дев красных. Приди, вкуси, о царь! — кричит торговец.

— Царь-батюшка, я тебя дождаюсь. Могу тебе книги показать, столь умные, что лишь твой ум может постичь их мысль. Прошу, зайди ко мне и посмотри книги, — зовет другой.

Но царь молчит, на продавцов ни взгляда не проронит. Тут видит: у колонны барышня сидит. Лица на ней нет, вниз сползло. Бедняжка страшно грустна и хочет плакать. Царь назад побежал, к цветочным рядам устремился. Зовет солдат, что мимо проходили, а посол стоит в стороне и только смотрит. И видит: царь, два солдата и цветов — не счесть сколько. Навалили цветов рядом с печальной барышней, и царь обмолвился о тщетности томления, за белую ручку барышню с земли поднял, спросил, куда ей отнести цветы. Та в слезы радости. Сказала адрес. Царь солдат по адресу отправил и дает барышне совет: беги, мол, найди хоровод, повеселись, развейся. А грусть довольства не принесет. Девица сбежала, а царь, лишь чуть-чуть довольный, к послу обращается:

— Пошли, посол, я все обдумал.

Пришли во дворец и снова сели в кресла.

— Козьма, слушай мой вердикт: если за ночь Саваоф мне мысли не исправит, то я войны не начну. Утром ты услышишь окончательное решение. Сейчас иди, поспи в моем дворце, я тебя утром разбужу.

Козьма, и без того уставший, сонный и вялый, совсем поражен и еле стоит. Что, зря он шел два месяца? Но царю перечить не хочет и лишь говорит:

— Спокойной ночи, славный царь.
— Иди, спокойной, — царь, награжденный тяжелой думой, медленно уходит через тусклый коридор.

Наутро царь вновь приглашает посла, сажает в бархатное кресло. Но только он начинает говорить: «Ночь меня не убедила, войны я не...» — как в комнату вбегает некто, сутулый, в рваной шапке и в лаптях, а в руках сжимает неведомую книгу.

— Ты, царь, подумай хорошенько! Не зря ты царь — ты сперва дело заверши, — дерзко заявляет незнакомец и валится на диван, как вдруг становится невидимым и растворяется в воздухе.

— Да что за дело! — стал царь зол, но чуду не удивился. — Война, опять война!

Глава 5

— Ты, первый генерал, дурак! — гневно кричит король Вельзевул. — Сказал, что сможешь продержаться четыре месяца. Но что я вижу! Прошло лишь два, и уже столицу занимают!

— Да не возьмут, король, зачем ты так говоришь? — отвечает генерал дрожащим голосом.

— А ты, народ, здесь? — спрашивает Вельзевул.

— Да, здесь я.

— Скажи еще: за что мне это?

— За брата твоего.

— Но что мне брат! Тебя разве мало? Мой брат был, может быть, умен и крепок духом, но тебя сейчас спасаю я, а не он! Ведь говорил проклятый Аквинат, что тиран, забравший власть без права, может быть оправдан, лишь только благо он станет совершать для народа и страны. Скажи мне, генерал, неужели я не творил благо народу? Да хотя бы этими тремя союзами!

Но генерал сказать не может, его побил осколками; тут стали падать с дворцовой крыши глыбы камня — это артиллерия врага прицелилась по дворцу.

Король, облаченный в доспехи, схвативший длинный меч, бежит на улицу, дабы не лечь ему под камнями.

Повсюду пламя, пепел и песок. Летят трупы из воронок, что от снарядов остаются; летают над скорбным полем вороны. Кругом огонь, война и крики. Кричат солдаты офицерам: «За короля в огонь пойдем!», потом идут в огонь, но там сгорают. Везде предсмертные крики и пальба. Мирный житель, позабыв себя, страстно ненавидит Большую Страну — так сильно тень вероломства свет благородства закрыла.

Три армии Вельзевула защищают Старый Свет, всех вместе — десять тысяч. Да народ чем попало вооруженный. Но и солдат не совершенство: этот с пикой, тот с мечом; один в кирасе, другой в бронежилете; этот полк, владея винтовкой, держит оборону, не отдает квартал, где больницы с ранеными. А другой полк, истратив все патроны, бежит штыком колоть врага. Добегут не все, множество погибнет, но лишь остатки полка достигнут вражеские позиции, так доберется королевский штык до цели и станет вспарывать груди и животы.

Но город небольшой, даром что столица. Так много войск в Старом Свете еще никто не видел.

То, что армии Вельзевула о десяти тысячах сдерживают армию врага в девяносто тысяч, чудо — не иначе. Три армии расположились с умом: есть три моста, что рассекают столичный город, каждая из армий занимает по мосту и местность вокруг него. Уже много дней, как войска Большой Страны захватили половину города, но даль-

ше не могут пройти, застыли на этих трех мостах. Три армии — преграда могучая, они стоят насмерть. Но лишь темное знамение недели промчится, как кончатся все патроны и снаряды, притупятся все штыки и клинки, кончится все оружие, что Вельзевул хранил. Там кончиться должна и сказка наша. То понимают генералы и проводят контратаки. Берут в плен, увозят провиант и патроны, рушат вышки с проводами, бьют коней и взрывают технику в гаражах. То капля в море армии Большой, но кто знает, быть может — капля дегтя? Неделя на исходе, дерется знатно народ, но никакого толку нет. «Пли! Пли!» — офицеры голосят, солдаты стреляют — и без толку; как не было конца войскам противника, так и нет.

И вот прорвались армии Большой и один мост взяли. Но не разбили первую армию, та вглубь лишь отошла и стала защищать улицы, близкие ко дворцу. Лишь взяли войска Большой Страны мост, как все услышали трубы, и вдруг откуда ни возьмись союзные войска несутся. Это войска толстяка и богача. Напали на Большую с фланга, взяли крепко, проломили череп вражеской армии. Враг заныл и застонал, потек обратно за реку. Обнялись солдаты-союзники и стали праздновать победу в битве за мост. Знатно кутили резервы, а солдаты фронта, лишь понюхав, уже веселей глядят. Встали дружно, брат к брату, и стали защищать первый мост вместе.

На юге Старого Света то же самое: там взяли мост, но тут же примчались союзники. Летят солдаты в бой, а офицеры бьют их по зубам, чтобы быстрее летели. Влетели во врага и давай во всех стрелять. Стреляют мощно, метко, громко — насовсем разбили целую армию Большой Страны. Возвеселились солдаты, пошли гулять и плясать. Теперь, вдвоем, сподручнее мост держать. И вот уже друзей не десять тысяч, а тысяч пятьдесят. Противник дрогнул, взволновался. «И что же делать теперь?» — будто спрашивает Президент. Однако понятно, что делать, и прислали множество подкреплений. Без мысли в голове можно остаться, лишь завидев ту тьму солдат, что больше всей столицы. Стоят, гремят, кричат и злятся; как наступают, всех порвут, всех разметають. И устрешились солдаты трех сторон: Второй и Третьей Страны затрепетали воины и захотели убежать от своего союзника. Тут Вельзевул — кричать, а все — молчать. Никто не знает, что делать.

Напала армия Большой на все три моста одновременно. У Неизвестных трещит оборона, сдают они один мост, за ним второй, сдается третий. А третий мост в сердце города, это тот, где Вельзевул ходил среди палаток торговых, откуда пошел в книжный магазин. Союзных войск лишь тридцать тысяч осталось, они сдержат такой натиск не готовы. Но ничего не поделать — заняли все вокруг дворца и ушли в оборону. Жители давно покинули свои дома в центре города, но открыли все двери для солдат; союзные войска из каждого окна по Большим метят, из каждого угла копыя метают и снаряды отправляют. Но, как известно, без толку.

Король бросает генералов и сам идет во главе армии. Руководит прилежно, умно, и еще три дня дворец держится. Но тут как раз патроны и кончаются. Союз бунтует, видит свою гибель, а солдаты мрут быстрее мух зимой. Кричит король, чтобы воевали, но уже и кричать некому. Вельзевул же три дня, не скрывая головы, ходил на поле боя, как вдруг на третий день метит враг ему в живот. Влетает пуля, брызги, кровь. Вельзевул, не понимая, безучастно смотрит на разорванный живот. Но вот спохватывается: «О нет, был ранен я! А вдруг смертельно? Народ, войска, послы, союзы! Простите, чем я задолжал вам, простите и прощайте! О славный бог Ярило, ты знай, люблю тебя!»

И славный умер.

Упало тело Вельзевула, раскрылось у него чрево. Оттуда — мухи вырвались мощной стаей, по кругу полетали и принялись тело объедать. Лишь мало времечко прошло, как только один скелет остался на земле, белые косточки.

Тут грянул гром, печаль в народе; ревет солдат, штыком коля. Решай, народ, достоин ли скорби прах Вельзевула-короля?

Ошеломлен народ, но вот наклонились над Старым Светом тучи, густая тень зашла, слышат все трубный гул. Вдруг из темноты, из черных туч, вылетают самолеты, их тысячи, а кажется — миллионы. Летят, гудят, во врага стреляют, сбрасывают на его головы снаряды. А дальше — танки, тоже будто миллионы; едут, танкисты всем машут. За танками — пехота и мотоциклы, да что за диво, тоже миллион! И рвут, и мечут, и берут мосты.

Мосты взяли быстро и устремились дальше врага бить. К вечеру Старый Свет был освобожден, изгнали врага и продолжили гнать его до границы. Это, не иначе, пришла Четвертая Неизвестная Страна на помощь, хоть и поздно, но ловчее других. Глядит народ на улицы, которые долго занимал враг, а там ужас! Множество убитых, измученных и истерзанных, мертвый народ, что не стал доверять врагу, в переулках грудами лежит. Был найден указ Президента: карать каждого, кто не примет новую власть.

И пусть погибли многие, но Старый Свет стоит; и пусть погиб король — но род его остался.

* * *

Прошло с тех пор недолгое время, война уже на территории врага идет. Успешно четыре Неизвестных Страны избивают врага в союзе. А что Старый Свет, стоит? Стоит. И там великий праздник: пусть война еще идет, однако новый король собирается надевать корону. Это сын Вельзевула — Богдан.

Повсюду еще гарь, разруха и руины, но пышный народ уже собрался во дворце, все кричат и поют славу новому королю. Цветы, банты; войска в парадной форме и вельможи с галунами. Кругом народу толпы — все пришли. Восходит король на пьедестал, открывает окна к небу, а там уже славный бог спешит. Тут все от ужаса с восторгом принялись кричать, один лишь король Богдан стоит, не шелохнется. Вот славный бог Ярило подлетает к королю; это могучий бог, о шести крылах: двумя крылами он лик закрывает, двумя — ноги, а еще двумя летает. Подносит он к голове Богдана огненный венец и надевает ему на голову. Богдан кричит, ему больно от нестерпимого жара металла, но шестикрылый держит венец, не отпускает. Вот боль прошла, король на трон упал, корона к коже и костям принялась.

Взлетел тут славный бог-огонь Ярило и заговорил:

— Насчет оружия не думай: о танках, о стрелах, — это всего лишь оружие. Хоть камни и палки — все одно. Об именах также не думай, это всего лишь имена, и не более. А впрочем... сам решай, народ. Но вот о чем подумай, о народ, вот что понять тебе бы надо поскорей: я никакой не бог. Не бог!